

რუსский клуб

№3
Март 2024

ЖЕНЩИНЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Стр. 6





РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3 (221)
Март 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЖЕНЩИНЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ
ХАННА ПЕНМАН
- 11 ЗОЛОТОЕ ГРУЗИНСКОЕ СЛОВО
НИНА ШАДУРИ
- 12 ЧТОБ МОГ Я БЛИЖНЕГО ЛЮБИТЬ
- 14 «СО МНОЙ РАБОТАЛОСЬ ЛЕГКО...»
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 17 ВОСПОМИНАНИЕ О ДВУХ ПИСАТЕЛЯХ
И НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 22 ЭТО БЫЛО ДЕВЯНОСТО ЛЕТ НАЗАД
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 ДРУЖКА
НОДАР ДУМБАДЗЕ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 32 ДВОР С ГЛИЦИНИЕЙ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 36 «МЭРИ ПОППИНС» В СТИЛЕ ДЖАЗ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 41 ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, ЭТО ДИАГНОЗ
- 42 ВО ИМЯ ЛЮБВИ
- 43 ПУТЬ АКТЕРА
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 46 ЧТО НАША ЖИЗНЬ?
ДОДО ХУРЦИЛАВА
- 48 ПИРОСМАНИ О СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 51 ...КОГДА БЫЛА МОДА НА УМНЫХ И ЗНАЮЩИХ ЛЮДЕЙ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке — МАТИЛЬДА ГВАРЛИАНИ

Фото: <https://www.vogue.com>

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ПОЭТ, СОСЕД ЦАРЯ

Мы со школьных лет привыкли считать, главный поэт России – это Пушкин. Но, представьте, во времена Александра Сергеевича первым считался вовсе не он, а баснописец Крылов, которому этой зимой исполнилось 255 лет со дня рождения. Его забавные строки знал и знает поистине каждый – и про ворону и лисицу, и про стрекозу и муравья, и про волка в овчарне, и про Демьянову уху с Тришкиным кафтаном, и про мартышку и очки, и про отважную Моську, и про ларчик с квартетом. Ивана Андреевича любили не только как блестящего сочинителя басен, но и как веселого, забавного человека, о котором ходило множество легенд и анекдотов. Он был для всех сибаритом, лентяем и чревоугодником, весьма неряшливым «фриком», способным на светском приеме уснуть с оглушительным храпом. Но, вероятнее всего, этот остроумец просто всем морочил голову, и легенды о себе самом сочинял именно он. Крылов мистифицировал публику и выдавал себя за другого человека, бездельника и обжору. Правда, поест Иван



Андреевич любил много и вкусно. Побывав на званом обеде, он подчас с облегчением возвращался домой, чтобы нормально нажиться на еду. Легенд о его обжорстве и лени ходило по Петербургу великое множество. Люди даже удивлялись, когда он успевал писать свои басни. Но на самом деле, Крылов, например, втайне от всех за два года выучил греческий, кроме пяти других языков, которые уже знал. А будучи назначен царем на выгодную должность, создал безупречно работающий Русский отдел в Публичной библиотеке. И еще Крылов много работал над своими баснями, доводил их до блеска. Лентяю это точно было бы не по силам. В те непростые времена, Крылов позволял себе безнаказанно оставаться самим собой, живя той жизнью, какую сам выбрал – без лицемерия и угодничества. Он даже отказался написать торжественную оду императору... И в личной жизни он оставался закрытым и независимым. Известно, что он никогда не был женат и не имел семьи. Но на самом деле его любимой женщиной многие годы была его кухарка Фенечка, Аграфена.

О том, чтобы жениться на кухарке, не вызывая пересудов, и речи быть не могло. Тем более, что его любила царская семья и часто принимала в гостях. С репутацией чудака Крылов был защищен от сплетен. А ведь у него от Фенечки была даже дочь Саша. После смерти своей подруги, Иван Андреевич поднял дочь один, дал ей образование, хорошее приданое и выдал замуж за очень порядочного человека, а после смерти оставил им все свое состояние и имущество. Все были убеждены, что Саша его крестница. В старости Крылов жил в большом каменном доме на Васильевском острове с семьей дочери, в окружении мысленных и веселых внуков и был совершенно счастлив.

Крылов умер от пневмонии, но перед смертью успел распустить последний слух о себе – мол, объелся рябчиков с кашей.

Он умел разговаривать с любым человеком на привычном для того языке, и с вельможей, и с простым мастеровым или солдатом. А однажды повстречался на Невском с самим царем. Тот благосклонно заметил:

– Что-то мы с тобой, Иван Андреевич, давно не встречались.

– Да, Государь, давно. А вроде соседи.

Немногочисленная свита в ужасе замерла, но Николай Павлович

расхохотался и потрепал Крылова по плечу. Они действительно тогда жили по соседству.

ТАЙНИК ЗА ШКАФОМ



Жил-был на свете один известный в Америке художник. Его звали Норман Роквелл, он родился в феврале 1894-го.

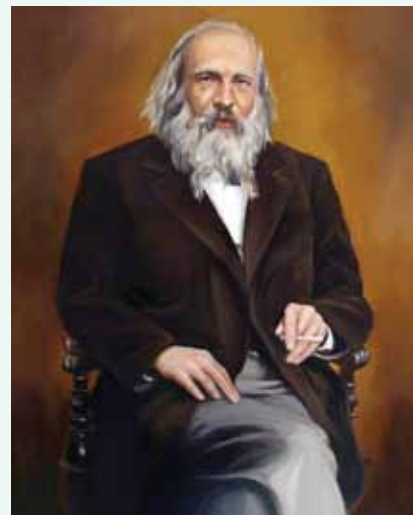
Это был очень популярный и любимый публикой мастер, крупнейший журнальный иллюстратор. В первой половине прошлого века, когда цветная фотография не стала такой совершенной, как теперь, в периодических изданиях процветало искусство иллюстрации. Такие разноцветные картинки ждали, их коллекционировали, радовались сочности красок и веселым сюжетам. И среди художников-кудесников настоящим королем был именно Норман Роквелл. За свою долгую жизнь он создал несколько тысяч иллюстраций. Причем, он их воплощал, как подлинный живописец, на холстах, а не на ватмане. К сожалению, часть из них сгорела в пожаре. Сейчас картины Нормана Роквелла котируются очень высоко и стоят многие миллионы долларов. В коллекциях эти холсты составляют гордость, радуя, как и прежде. Известными собирателями его работ стали многие знаменитые люди Америки, например, режиссер Стивен Спилберг и создатель сериала «Звездные войны» Джордж Лукас, который рассказывал, что в детстве бежал после школы на почту, чтобы получить очередной еженедельник, где печатались картины Роквелла. Сюжеты, изображенные в его иллюстрациях, были понятны людям и наполнены теплом и добрым юмором. Чего стоила картинка, где растрепанная, совершенно счастливая девочка с фингалом под глазом сидит перед кабинетом директора школы, в ожидании наказания за драку. Или семейная пара, поссорившаяся из-за выборов, где они голосовали за разных политиков. А одна его картина трогала за сердце – это рабо-

та 1954 года «Разрывая семейные узы», где принарядившегося юношу провожает в город отец. Тот поступил в университет и уезжает из глубинки навсегда. Они сидят на подножке их ветхого пикапа, ожидая проходящего мимо поезда. Мальчик в ожидании прекрасной жизни и его печальный отец. А в этом местечке даже нет железнодорожной платформы, и поезд придется останавливать флажком и фонарем. Этот сюжет в последующие десятилетия даже экранизировали. Художник написал знаменитую работу, когда начал ощущать, что домашнее гнездо пустеет – его дети так же улетали во взрослую жизнь. Но с этой картиной была связана одна занимательная история. Когда-то «Разрывая узы» купил близкий друг и сосед Роквелла, тоже художник Дон Трахт. Незадорого, всего за 900 долларов. Но уже через несколько лет Трахту предложили продать картину за 35 тысяч, а он не продал. Роквелл ему попенял, мол, продал бы, дела поправил. Но Дон был непреклонен. К слову, эту работу сейчас продали на Сотбис за 15 миллионов. Когда же Трахт в 70-х развелся с супругой, то по решению суда о разделе имущества, из восьми ценных работ разных художников, включая «Разрывая узы», пять работ пришлось отдать супруге. Любимую картину друга Дон оставил себе. После его смерти работу Роквелла продали в музей. И тут специалисты засомневались. Они увидели, что краски не те, и лицо юноши немного другое. Но все документы о приобретении картины были подлинными, и эксперты решили, что это неудачная чистка холста и реставрация. И вот случилось невероятное событие – уже в нулевых годах нашего века, когда дети Трахта решили продать его опустевший особ-

няк, случайно увидели щель за шкафом. Отодвинули и увидели тайник. Там были все восемь картин, подлинников. Выяснилось, что Трахт, не в силах расстаться со своей ценной коллекцией и будучи сам неплохим художником, попросту скопировал все восемь полотен, перед тем, как отдать. Жульничество, конечно, но по-дружески его понять можно. Картины, естественно, отдали в музей, где она теперь висит рядом с копией. А Норман Роквелл – чудный художник! Посмотрите в сети его картины, вам понравится.

190-ЛЕТИЕ ДМИТРИЯ МЕНДЕЛЕЕВА

«Вот уж, поистине богата Матушка Русь талантами. И в искусствах, и в философиях, и в ремеслах, и в науках» – говорил один мудрец. И это правда. Сколько талантов миру дала Россия. Но было два имени ученых, которые особо выделяют историки – это Михайло Васильевич Ломоносов и Дмитрий Иванович Менделеев. Если о первом из них – феноменальном холмогорском самородке из восемнадцатого века все знают со школьной скамьи, то о втором, не менее гениальном и разностороннем ученом, в нашу эпоху интернета и, что греха таить, поверхностного знания, почерпнутого из Википедии, упоминают как-то вскользь. Почему-то все запомнили, что Менделеев во сне увидел свою знаменитую таблицу Периодического закона, и еще будто он придумал русскую водку. И скажем сразу – это чушь: о своей таблице Дмитрий Иванович, по собственному признанию, думал долгих двадцать пять лет, и еще – никакой водки он не изобретал. Просто темой его докторской диссертации было изучение водяных растворов и, в частности, соединения спирта с водой. А про пресловутые водочные 40 градусов – однажды Менделеев был приглашен в государственную комиссию по стандартизации этого алкогольного напитка. Там все специалисты пришли к выводу, что лучше всего использовать эту спиртовую крепость, которая позволит и нормально транспортировать и разливать сей популярный в народе напиток. На самом деле Менделеев был невероятным человеком с широчайшим кругозором, а не просто гордостью отечественной науки. Вот только краткое перечисление его научных интересов и



«профессий»: химик, физикохимик, физик, метролог, экономист, технолог, геолог, метеоролог, нефтяник, приборостроитель, педагог, изобретатель бездымного пороха, нефтепровода и еще воздухоплаватель. Да-да, воздухоплаватель! Представьте себе, что этот человек, не имея практического опыта управления воздушным шаром, в одиночку отправился в полет от Клина до Переславль-Залесского для наблюдения за солнечной короной во время затмения. И ничего не испортил, все выполнил как положено, как и подобает настоящему профессору. И вообще, он считал: что «Профессор, который только читает курс, а сам не работает в науке и не двигается вперед, – не только бесполезен, но прямо вреден. Он вселит в начинающих мертвящий дух классицизма, схоластики, убьет их живое стремление».

Он был настоящим представителем нарождающейся в России научно-технической интеллигенции, воспитавший немало учеников и своим примером показавший новые пути в науке. Невозможно в нескольких строках рассказать о жизненном пути этого признанного при жизни, «небитого», как бы сейчас сказали, гения. Одна интересная деталь – Нобелевской премии ему так и не присудили, хотя его постоянно вносили в списки мировых научных знаменитостей. Дмитрий Иванович яростно спорил с братьями Нобель, обвиняя их в грубой хищнической эксплуатации бакинских нефтяных месторождений. Ученый, придумавший новый, более тонкий способ перегонки, говорил, что топить нефтью – это все равно, что топить пачками денег. И Нобели ему по своему отомстили.





ТАМТА МЕЛАШВИЛИ

Тамта Мелашвили – популярная грузинская писательница, исследовательница, феминистка-активистка. Уроженка Амбролаури. Окончила факультет международных отношений Тбилисского государственного университета. Год прожила в Германии, где и начала писать всерьез (хотя пишет с детства). В 2008 году получила степень магистра в Центральном европейском университете в Будапеште. В 2009 году стала стипендианткой Южно-Кавказского регионального бюро Фонда им. Генриха Белля. Живет в Грузии. С 2012 года – приглашенный лектор на факультете социальных и политических наук ТГУ. Специализируется в области гендерных исследований. Эта тема и стала мотивом ее потрясающих книг, которые сегодня экранизируют и инсценируют.

Первые рассказы увидели свет в 2006-2008 гг. и имели успех. В большой литературе дебютировала в 2010 году, издав повесть «Считалка». Проникновенная история двух девочек-подростков перед лицом войны быстро завоевала признание. Повесть была отмечена критиками как произведение «нового, очень характерного голоса» и получила высшую литературную премию Грузии «Саба». Вскоре успех обрел и международный характер: работу Мелашвили номинировали в десятке лучших в премии 2012 года Die Besten Bücher aus Unabhängigen Verlagen в Германии, а затем удостоили Немецкой молодежной литературной премии. «Считалка» переведена на немецкий, хорватский, русский, албанский и английский языки.

Вторая повесть Тамты Мелашвили удвоила успех первой. «Дрозд, дрозд, ежевика» повествует о жизни женщины средних лет из грузинской глубинки, которая отважилась любить и жить в свое удовольствие. В 2021 году произведение было удостоено премии «Саба». В 2022 году в Зугдидском драматическом театре им. Ш. Дадиани по повести «Дрозд, дрозд, ежевика» режиссер Ника Чикваидзе поставил одноименный

ЖЕНЩИНЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

■ Ханна ПЕНМАН

На март месяц в Грузии приходится сразу два женских дня: День матери, который отмечается в стране 3 марта, и Международный женский день 8 марта.

О самых значимых женских фигурах Грузии прошлого вы читали на страницах нашего журнала немало интересных статей. А сегодня мы решили рассказать вам о самых-самых талантливых, умных, независимых, красивых и по-своему уникальных женщинах молодого поколения Грузии.



Увлечение фортепиано началось, когда Хатии было всего три года. Любовь к этому инструменту ей привила мама. Уже в шестилетнем возрасте девочка дала свой первый концерт с Камерным оркестром, а в десять лет начала гастролировать в престижных залах Швейцарии, Франции, Германии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Монако, Италии, Австрии, Украины, США и Израиля. Учась в Тбилисской консерватории, Хатия победно выступала на международных конкурсах. Продолжила учебу в

Альбом «Лабиринт» в 2021-м стал абсолютным лидером скачиваний на iTunes и Amazon.

Грузинская пианистка обожает Рахманинова, Рихтера и Гулда. Критики отмечают в ее игре «ауру элегантного одиночества и меланхолии», а сама Хатия признает влияние на свой стиль грузинского фольклора и, не смотря на то, что уже давно живет во Франции, остается горячей патриоткой своей страны.

Хатия Буниатишвили активна в социальных сетях, с ней заключают контракты известные бренды, она продолжает по-

спектакль. На Международном театральном фестивале им. Нодара Думбадзе в Озургети постановка завоевала два приза – за лучшую женскую роль (Марина Дараселия) и за лучшую инсценировку (Ника Чикваидзе). Через год режиссер Элене Навериани экранизировала произведение Тамты Мелашвили. В августе 2023 года картина получила приз «Сердце Сараево» за лучший художественный фильм на Сараевском кинофестивале. Исполнительница главной роли Эка Чавлеишвили была названа лучшей актрисой фестиваля и номинирована на премию Европейской киноакадемии.

То, как Тамта глубоко и остро чувствует и описывает судьбу грузинской женщины в срезе жестоких традиций, бесправия, войн и глобальных вызовов, восхищает критиков Грузии и зарубежья. И, похоже, впереди Тамту ждет яркий путь творца, отстаивающего права женщин в жизни и искусстве.

ХАТИЯ БУНИАТИШВИЛИ

Хатия Буниатишвили – сильнейшая грузинская пианистка современности, которая вывела академическую музыку за традиционные черты. Ее впечатляющие выступления, чарующие образы на сцене, коллаборации со звездами рок-музыки и хип-хопа сделали из исполнительницы классической музыки настоящую диву.



Венском университете музыки и исполнительского искусства и уже 2008-м дебютировала в Карнеги-Холле.

Хатия – всемирно признанная исполнительница. Она является лауреатом премии Borletti-Buitoni Trust Award (2010) и двукратным обладателем премии ECHO Klassik, а ее альбом под названием «Schubert» в марте 2019 года возглавил французский чарт классической музыки. Она сотрудничала с Sony Classical, выступала с выдающимися оркестрами в том числе, с Филармоническим оркестром Лос-Анджелеса, Венским симфоническим оркестром, Национальным оркестром Франции и Филармоническим оркестром Лондона.

пуляризировать классическую музыку и остается прекрасной представительницей своей страны. К слову, с недавних пор Хатия еще и счастливая мама.

ТАМУНА МУСЕРИДЗЕ

Грузинская журналистка Тамуна Мусеридзе в конце прошлого года вошла в топ-100 самых вдохновляющих женщин мира по версии BBC, которые своими делами и поступками оказывают влияние на общество и события.

Многодетная мама, Тамуна с 18 лет работает журналистом на телевидении. Однако международная известность пришла к ней не поэтому. Дело в том,



что в 31 год Тамуна узнала, что семья, в которой она росла и воспитывалась, удочерила ее. Это случилось после смерти матери, когда она, перебирая старые документы, обнаружила два свидетельства своего рождения – с разными датами.

«Она бросила все, чтобы найти своих биологических родителей, и в ходе своего исследования обнаружила доказательство того, что с 1950-х годов в Грузии существует масштабный черный рынок усыновления детей, – пишет BBC. – В итоге Тамуна создала группу на фейсбуке и вывела на общенациональный уровень проблему незаконного усыновления младенцев, взятых из родильных домов. Организация Мусеридзе помогла воссоединить сотни семей, но она все еще продолжает искать свою».

Виртуальная группа, созданная журналисткой, называется «Ведзед» («Ищу») и объединяет более 230 тысяч участников. Они публикуют посты с просьбами найти своих родных и очень надеются на помощь и поддержку.

Когда Мусеридзе узнала, что ее деятельность нашла отклик у аудитории BBC, то была потрясена. В своем эмоциональном посте в сети Facebook она написала, как рада тому, что в этот список, где числится, например, и бывшая первая леди США Мишель Обама, впервые попала грузинская женщина: «Это того стоило! Борьба за правду этого стоила! Никогда не отказывайтесь от своих целей,

никогда не отступайте! Никогда не опускайте руки и помните: за плохим обязательно следует хорошее!».

Отметим, список ста влиятельных женщин BBC публикует ежегодно. В 2023 году в топ-100 вошли юрист Амаль Клуни, актриса Америка Феррера, футболистка Айтана Бонмати и другие.

КЭТИ МЕЛУА

Кэти Мелуа – явление в музыкальном мире. Британская певица с грузинскими корнями, завораживающий вокал которой впечатлял саму Елизавету II, имеет тысячи поклонников по всему миру и, надо сказать, с каждым годом все больше возвращается душой к родной Грузии.

Кэти родилась в 1984 году в Кутаиси, крещена в Грузинской православной церкви. Первые

годы жизни провела с бабушкой и дедушкой в Тбилиси, затем в Батуми, с родителями и братом. Когда будущей певице исполнилось 8 лет, семье Мелуа пришлось эмигрировать в Белфаст, Северная Ирландия. Кэти посещала римско-католическую начальную школу Святой Екатерины и Доминиканский колледж в Фортуильяме. А затем отправилась покорять Лондон, где и начинала строить вокальную карьеру. После окончания средней школы для девочек Nonsuch High School, Кэти поступила в Британскую школу исполнительских искусств, получив степень бакалавра музыки. Дебют состоялся в 2003 году, когда в свет вышел ее первый альбом Call Off the Search. Он занял первые строчки в чартах Великобритании и за первые пять месяцев разошелся тиражом 1,8 миллиона копий.

Прекрасный музыкальный вкус, завораживающий глубокий голос (диапазон меццо-сопрано), оригинальный репертуар, невероятная харизма – все это стало залогом феноменального успеха певицы. На сегодняшний день Кэти записала девять успешных альбомов.

2 октября 2006 года Кэти Мелуа вошла в Книгу рекордов Гиннеса за самое глубоководное выступление – она дала концерт на глубине 303 метров ниже уровня моря на Платформе Troll A компании Statoil в Северном море. Впрочем, ее давно называют «адреналиновой наркоманкой» – она летает на парапланах и дельтапланах,



прыгает с парашютом и пилотирует самолеты.

В июле 2013 года Мелуа приняла участие в юбилейном концерте по случаю 60-летия королевы Елизаветы II.

Последние несколько лет Кэти Мелуа все больше связана с Грузией как профессионально, так и духовно. В прошлом году она привезла в Грузию своего первенца и крестила его в одной из церквей в Тбилиси. Певица сотрудничает с Горийским женским хором, вместе с которым «воскрешает» старинные шедевры грузинской фольклорной музыки. За личный вклад в популяризацию грузинской культуры за рубежом, а также за плодотворную творческую деятельность Кэти удостоена Ордена Чести Грузии.

НИНО ХАРАТИШВИЛИ

Нино Харатишвили – знаменитый грузинский драматург, прозаик, театральный режис-



сер, лауреат множества литературных премий. Родилась и выросла в Тбилиси. Посещала немецкоязычную школу. Руководила театральным кружком, который ставил спектакли на двух языках.

В тяжелые 90-е эмигрировала в Германию, где поступила в театральную школу в Гамбурге, проработала несколько лет театральным режиссером, а в 2010 году опубликовала свою первую книгу «Jija». За ней последовали другие, в том числе, «Радио-

вселенная», «Мой нежный близнец», «Земля первых вещей», «Варвара», «Кошка и генерал», «Недостаток света», «Восьмая жизнь (для Бриллки)».

«Когда я в Грузии, – говорит Нино Харатишвили, – то чувствую себя в высшей степени немкой, а когда возвращаюсь в Германию, ощущаю себя абсолютной грузинкой. Это, в общем-то, печально и создает определенные проблемы, но если посмотреть по-другому, то может и обогатить. Потому что если я, по большому счету, не чувствую себя дома нигде, то могу везде построить, создать, сотворить свой дом».

Но, как признается сама Нино, чем больше времени проходит, тем больше она становится грузинкой.

Как режиссер и писатель Нино Харатишвили смело берется за масштабные исторические темы в не менее грандиозных литературных формах. Так, 1000-страничный роман «Восьмая жизнь» о шести поколениях грузинской семьи, начиная с 1900 года, голливудские продюсеры назвали – ни больше, ни меньше! – «Войной и миром» XXI века и собираются снять по нему сериал.

Главные темы, к которым обращается Нино, это человек в призме войны, влияние военных конфликтов на судьбы человечества, любовь и смерть, агрессия, жестокость и стремление к миру и спасению души.

ТИНА ДАЛАКИШВИЛИ

Тина Далакишвили – одна из самых красивых и востребованных грузинских киноактрис, причем как в стране, так и за рубежом, и даже в Голливуде. Последней блестящей работой грузинки стала одна из главных ролей в фильме американского режиссера Сэма Харгрейва «Тайлер Рейк: Операция по спасению 2».

Тина родилась 2 февраля 1991 года в Тбилиси. По профессии ландшафтный дизайнер, актерского образования не имеет. В 17 лет Тина начала модельную карьеру, снялась в нескольких рекламных роликах. Именно бла-



годаря этому ее заметили режиссеры грузинского кино.

Поначалу она снималась в короткометражках. Но уже в 2010-м дебютировала в полнометражном фильме – триллере «Сезон» Дато Борчхидзе. Первую известность ей принесла роль Леси в романтической комедии Резо Гигинеишвили «Любовь с акцентом». К слову, Далакишвили попала в проект практически в последний момент, ведь изначально ее героиню должна была играть Оксана Акиншина.

В мелодраме Гигинеишвили, которая имела успех, Тину заметила режиссер Анна Меликян, лично прилетевшая в Грузию познакомиться с молодой актрисой. В фильме Меликян «Звезда» Тина сыграла главную роль и получила престижные награды: приз «За лучшую женскую роль» X Международного кинофестиваля «Евразия» и специальный приз «За блестящую актерскую игру» V Одесского международного кинофестиваля.

Потом последовали картины «Тбилиси, я люблю тебя», «Квартет», «Заложники», основанный на реальной попытке угона самолета грузинской молодежи в Тбилиси, «Про любовь. Только для взрослых», «Яна+Янко», «Эбигейл», «Фея» и, наконец, «Медея» – одна из самых сильных работ Тины Далакишвили.

«Медея» – российский художественный фильм, снятый в 2021 году режиссером Александром Зельдовичем по собствен-

ному сценарию. Картина вошла в основной конкурс Международного кинофестиваля в Локарно-2021, где получила приз молодежного жюри с формулировкой: «За эффектную современную версию трагедии Еврипида, не искажающую ее поэтики, за эстетическую скрупулезность режиссуры, чистоту и отточенность изображения, суровую красоту пейзажей, которые соответствуют трагическому величию оригинального текста».

А недавно Тина попробовала себя в новом качестве – перевела на русский язык рассказы грузинского писателя Никуши Антадзе, с которым живет уже несколько лет.

МАТИЛЬДА ГВАРЛИАНИ

Матильда Гварлиани – восходящая звезда западной фэшн-индустрии и настоящая гордость Грузии. Этой юной грузинке с эффектной внешностью всего двадцать лет, а она буквально не сходит с обложек гляцевых журналов, участвуя в рекламных компаниях мировых брендов.

Матильда – частый гость на Неделях моды, принимает активное участие в показах крупнейших модных домов. В конце прошлого года она снялась в рекламе духов Chanel Chance, и это не первый опыт сотрудничества грузинской модели с французским домом моды. Осенью 2023-го Гварлиани стала первой грузинкой, которая участвовала в показе коллекции Chanel на Неделе моды в Париже.



Строить карьеру модели Матильда начала еще в 14 лет. Дебютировала на одном из модных показов во Флоренции. Уже через год Гварлиани снялась в рекламной кампании бренда Pull&Bear, в 2020-м представила предновогоднюю коллекцию RED Valentino. Вскоре Матильду пригласили стать лицом осенне-зимней кампании Roberto Cavalli.

Затем последовало сотрудничество с итальянским модным домом премиум сегмента ETRO в коллаборации с Harris Reed, обложки Wonderland Magazine и даже Vogue. Для Vogue Матильду снимала известный фотограф Эллен фон Унверт, которая сотрудничала с такими звездами, как Клаудия Шиффер, Бритни Спирс и Наоми Кэмпбелл. В 2022 году сайт Models.com, который считается крупнейшей базой данных модельных агентств и моделей, назвал Матильду Гварлиани «Восходящей звездой».

Сегодня обворожительная Матильда является одной из самых востребованных успешных моделей Грузии, о которой мечтают модные дома Парижа и Нью-Йорка. А ведь путь Матильды к модному Олимпу только начинается.

ИРМА ХЕЦУРИАНИ

Ирма Хецуриани – известная грузинская фехтовальщица-колясочница, двукратная чемпионка мира по фехтованию на колясках, чемпионка Европы и обладательница 22 золотых медалей чемпионатов мира.

До 13-ти лет Ирма жила в Абхазии. Около года играла за школьную баскетбольную команду «Апхазети». Война 1992-1993 гг. вынудила Ирму стать беженкой – вместе с семьей ей пришлось бросить дом и бежать в Цхалтубо. Это был крайне тяжелый период в жизни Ирмы и всей страны.

Но в 18 лет произошла личная трагедия: она оказалась в инвалидном кресле. На протяжении девяти лет Ирма боролась с тяжелой болезнью позвоночника, чтобы получить возможность снова встать на ноги, но врачи не давали надежды. Перебравшись в Тбилиси, она начала работать офис-менеджером в Паралим-

пийском комитете. Именно там девушке впервые предложили заняться парафехтованием.

«В детстве я любила баскетбол, но фехтование и баскетбол – очень разные виды спорта, – рассказывала спортсменка журналистам. – Моя работа в комитете меня устраивала, мне там было хорошо. Поэтому вначале я посмеялась над этим предложением, а потом – ровно через две минуты – сказала: «Почему нет? Давайте попробую».

Сегодня Хецуриани – первая фехтовальщица-колясочница в Грузии. На чемпионате мира Международной федерации спорта инвалидов-колясочников 2015 года она соревновалась во всех трех дисциплинах фехтования: шпаге, сабле и рапирах, в то время как большинство других



участников соревновались только в одной дисциплине.

Ирма Хецуриани – не только выдающаяся спортсменка, но и видный общественный деятель. Она принимает участие в проведении Дня инвалидов, выступает за повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями. В 2023 году стала международным послом доброй воли ЮНИСЕФ.

Ирма – настоящий символ силы, красоты, целеустремленности и уверенности в себе. Она полна желания двигаться вперед, побеждать, мотивировать других, учиться. Во всем этом Ирму Хецуриани поддерживает любимый супруг и вся Грузия.



Вахтанг Вепхвадзе, Багатер Арабули, Заал Ботковели

ЗОЛОТОЕ ГРУЗИНСКОЕ СЛОВО

■ **Нина ШАДУРИ**

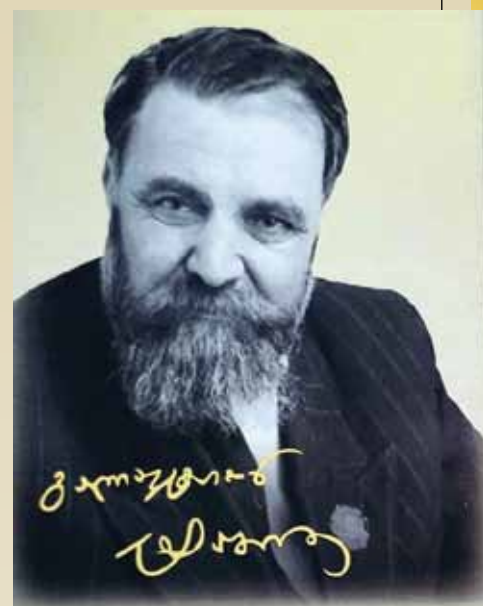
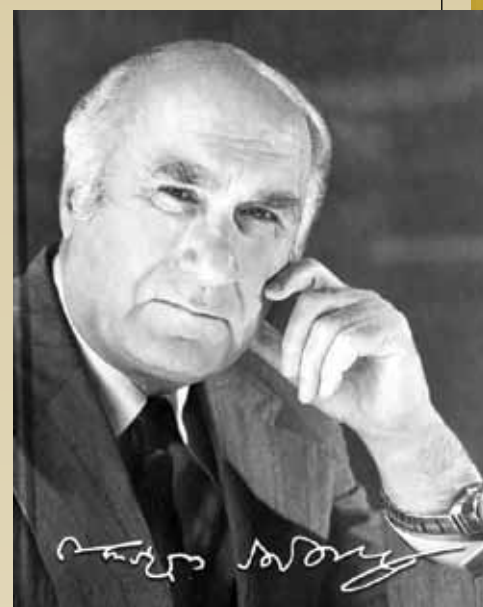
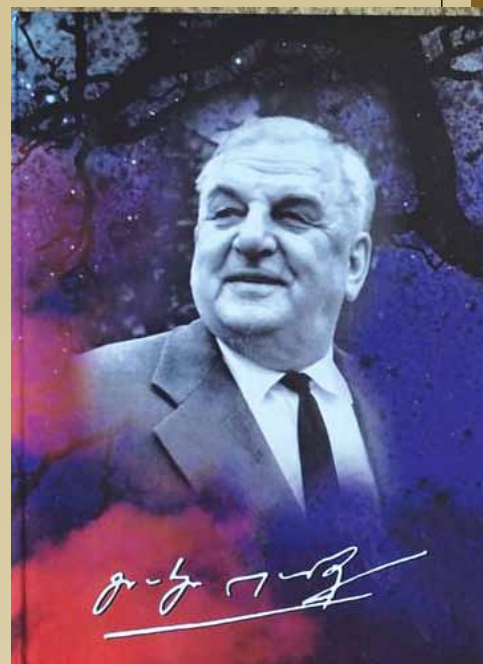
Вахтанг Вепхвадзе не принадлежит к медийным лицам – он никогда не рвется на первый план и не занимается само-рекламой. И тем не менее он хорошо известен и пользуется заслуженным уважением – не только как успешный бизнесмен, но и как благотворитель и меценат. Достаточно напомнить, например, что батони Вахтанг ежегодно вручает премию своей компании (весьма значительную денежную сумму) за выдающиеся научные достижения – каждый год ее получает один из членов Национальной Академии наук. А постоянная помощь, которую он оказывает многим нашим соотечественникам? Об этом мало кто знает – потому что батони Вахтанг никогда не афиширует свои благодеяния. А уникальная трилогия, изданная по идее Вахтанга Вепхвадзе и при его поддержке? Как писал Георгий Леонидзе, обращаясь к Сулхан-Саба Орбелиани:

*Сохранить ты задумал народу
Глубину языка векового,
Предпочел ты и хлебу и меду
Золотое грузинское слово!*

В. Вепхвадзе был движим такой же благородной идеей

сохранения «золотого грузинского слова». И вот – вышли в свет три внушительных издания: «Георгий Леонидзе», «Ираклий Абашидзе», «Галактион Табидзе». Трудно представить себе лучший способ отдать дань уважения и памяти великим грузинским поэтам XX века. Конечно, эти книги стали событием и вызвали большой общественный интерес и резонанс. Редактором-составителем первых двух томов выступил академик Валерий Асатиани, а над книгой, посвященной Галактиону, он работал вместе с Эмзаром Квитаишвили, поэтом, критиком, доктором филологических наук. Иллюстрации были подготовлены Демико Лоладзе, дизайн осуществлен Кахой Бахтадзе.

На презентации книги «Галактион Табидзе», завершающей трилогию, которая состоялась в Доме писателей, Союз писателей Грузии наградил Вахтанга Вепхвадзе почетным званием «Попечитель грузинской культуры». Конечно, это важное признание. Но, думаем, заслуги мецената перед грузинской культурой, его вклад в поддержку науки и литературы Грузии можно назвать поистине неопределимыми. Какой мерой можно измерить страсть созидать, потребность благотворить? Нет таких мер...





Т.Г. Шевченко. Автопортрет

ЧТОБ МОГ Я БЛИЖНЕГО ЛЮБИТЬ

Тарас ШЕВЧЕНКО (1814-1861)

ДУМА

Проходят дни... проходят ночи;
Прошло и лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи;
Заснули думы; сердце спит.
Заснуло все... Не знаю я –
Живешь ли ты, душа моя?
Бесстрастно я гляжу на свет,
И нету слез, и смеха нет!

И доля где моя? Судьбою,
Знать, не дано мне никакой...
Но если я благой не стою,
Зачем не выпало хоть злой?
Не дай, о боже, как во сне
Блуждать, остынуть сердцем мне.
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти.

Но жить мне дай, творец небесный!
О, дай мне сердцем, сердцем жить!
Чтоб я хвалил твой мир чудесный,
Чтоб мог я ближнего любить!
Страшна неволя, тяжко в ней!
На воле жить и спать – страшной!
Прожить ужасно без следа,
И смерть и жизнь – одно тогда.
Перевод А. Плещеева

И встретились, и обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
Как будто даже не встречались.
Перевод В. Инбер

ПРОРОК

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка –
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И, как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли,
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их ликувы!
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И – род лукавый и жестокий! –
Взамен смиренного пророка...
Он повелел царя вам дать!
Перевод Н. Брауна

Край мой тихий, мать Украина,
Чем ты искупаешь
Грех великий, за кого ты
В муках погибаешь?
Или ты молитвы ранней
Богу не творила?
Иль детей своих ты честно
Жить не научила?
«Я молилась, я трудилась,
Я глаз не смыкала,
И детей своих я в добрых
Нравах наставляла.
Как цветочки в чистом поле,

Вырастали дети,
Знала власть я, знала волю
На широком свете.
О Богдан мой, сын мой милый!
Горе мне с тобою,
Что ты сделал, неразумный,
С матерью родною?
Над твоею колыбелью
Песни злой неволи
Пела я и со слезами
Ожидала воли.
О Богдан, когда б я знала,
Что мне жизнь сулила,
Я тебя бы в колыбели
Насмерть задушила.
Овладели чужеземцы
Моими степями,
Дети мои на чужбине
Бродят батраками.
Днепр мой, брат мой, высыхает
Средь степей унылых,
А москаль по степи бродит,
Роется в могилах.
Не свое он роет, ищет,
Могилы тревожит;
Но растет уж перевертень...
Вырастет, поможет
Он хозяйничать в отчизне
Чужаку... Спешите
И рубаху вы с матери
Худую снимите!
Звери, звери, мать родную
Терзать помогите!»
Вся раскопана, разрыта
Старая могила...
Что нашли в ней? Что отцами
Закопано было?
Эх, когда бы отыскать нам...
Отыскать нам клады, что земля сокрыла,
Не плакали б дети, мать бы не тужила!..
Перевод М. Славинского

Воет ветер, злится вьюга,
Снег кругом взметает:
По селу вдова-старуха
Бродит, чуть ступает.
Осыпаемая снегом
Спереди и сзади,
Бродит, просит горемыка,
Просит Христа-ради.
Бродит, просит со слезами
У людей богатых,
Что ее кормильца-сына
Отдали в солдаты.
А ведь думала когда-то:
«Вот женю сыночка, –
Отдыхать под старость буду
За невесткой-дочкой.
Не сбылось! Пошла старуха
По миру с сумою,
По чужим углам скитаться
Горькой сиротою.
На добытую копейку

Свечечку за сына
Богу ставит, а сама-то
Плачет, сиротина...
Перевод И. Сурикова

Огни горят, оркестр играет,
Оркестр рыдает, завывает.
Алмазом ясным, дорогим
Сияют очи молодые,
Блестят надежды золотые
В очах веселых, – любо им,
Очам негрешным, молодым.
И все хохочут, все смеются,
И все танцуют. Только я
Гляжу, и слезы тихо льются.
О чем, о чем же плачу я?
О том, быть может, что тоскливо,
Как день дождливый, сиротливый,
Минула молодость моя.
Перевод Н. Ушакова

Опять настало время злое!..
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Своим невольникам оковы...
Но глянь!.. Опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.
Перевод С. Олендера

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу,

Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.

И когда с полей Украины
Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы –

Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А покуда
Я не знаю Бога.

Схороните и вставляйте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрый тихим словом.

Перевод А. Твардовского



«СО МНОЙ РАБОТАЛОСЬ ЛЕГКО...»

■ Нелли СКОГОРЕВА

Так совпало, что в течение года, одна за другой, выпали несколько замечательных дат – 100-летие Леонида Гайдая, 50-летие кинокартины «Иван Васильевич меняет профессию», 85-летие Вячеслава Зайцева, который был художником на картине. Чем не повод, чтобы еще раз вспомнить легендарную, любимую многими поколениями кинокомедию и ее создателей?

На вопросы нашего корреспондента ответила исполнительница роли Зиночки Наталья Селезнева, народная артистка РФ, заслуженный деятель культуры Польши, с 1966 года – актриса Московского академического театра Сатиры.

– Наталья Игоревна, многие фразы из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» вошли в нашу жизнь и живут до сих пор. У вас есть любимая?

– Мне очень нравится фраза моей Зиночки: «У меня сегодня в кафе увели перчатки, и я полюбила другого».

– Как складывались ваши отношения с Леонидом Гайдаем?

– Замечательно. Я очень его уважала, прислушивалась к каждому его слову. По молодости я иногда с ним спорила. А он выслушивал и – делал по-своему. Хотя, если бы Леонид Иович был сейчас жив, я бы, наверное, сказала ему словами Марины Цветаевой: «Я – страница твоему перу». Я бы делала на съемочной площадке только то, что хотел Гайдай, в знак моей огромной любви, верности, веры и преданности этому режиссеру.

– А какая атмосфера была на съемочной площадке?

– Профессиональная. Все было дисциплинировано, выдержано, никаких отклонений. Актеры знали текст и были максимально готовы к съемке. Посидеть чайку попить, поболтать на лавочке или перекурить – такого на съемках у Гайдая не было. Другое дело – после съемки или во время больших пауз, когда переставляли декорации или ставили свет. Тут мы могли и разыгрывать друг друга, и смеяться от души.

– Как работал Гайдай?

– Ему надо было точно объяснить актерам мизансцены и пару раз отрепетировать. Дальше шла команда «Мотор!». И дублей было немного, потому что у него снимались большие профессионалы. Как сегодня говорят, звезды. Леонид Иович всегда был очень собранным, сдержанным, внимательным. Потому фильм и сняли всего за 71 день. Более того, изначально хронометраж был больше, потом пришлось вырезать большой кусок.

– Внешний образ вашей героини и всех других героев создал Вячеслав Зайцев. Уже в те годы на Западе его называли «Красный Диор».

– Слава тогда был лучший из лучших, он находился на взлете успеха. Со мной ему работалось легко: у меня была модельная фигура – классические 90-60-90, при росте 175 сантиметров. Ему



Леонид Гайдай и Наталья Селезнева

не надо было что-то придумать, чтобы скрыть недостатки фигуры складками или оборками. – А ведь вы в детстве комплексовали из-за своего высокого роста...

– Да, я была самой высокой в классе и горбилась, чтобы казаться ниже. По нынешним временам мой рост считается средним, а тогда меня в школе всячески обзывали. Для меня это было настолько трагично, что однажды, во время замера роста, я сказала маме: «Если я вырасту еще хоть на один сантиметр, то повешусь». И мама убедила меня пойти на баскетбол, где я оказалась не самой высокой. Постепенно этот комплекс исчез.

– Наталья Игоревна, вам подарили после съемок какие-то из костюмов?

– Нет. Единственное, что мне подарили, это фотографию, где я стою в красном платье с белыми полосками. Такое было время – никто ни у кого ничего не выклянчивал. Сейчас все эти костюмы хранятся в музее «Мосфильма» и выдаются напрокат за деньги.

А тогда модницы, сидя в кинотеатре, перерисовывали наряды Зиночки, и по рисункам дома шили себе платья. В журналах мод еще долго после выхода фильма публиковали эти фасо-

С Александром Демьяненко



ны, а в ателье московские, и не только московские, модницы заказывали платья, как у моей героини. Зрительницы писали мне об этом.

– Говорят, коричневое платье в клеточку, в котором ваша героиня появляется в конце фильма, было шито для Любови Орловой. Это правда?

– Думаю, нет, потому что Любовь Петровна в него бы не поместилась, ее параметры были больше. Но от Любови Орловой мне достался парик, в котором я снималась. Он ей не подошел, и она от него отказалась.

– Когда снимался этот фильм, «Кабачок 13 стульев» уже был в эфире ТВ, и там вы пострадали за то, что появились в кадре в мини. Это было ваше платье?

– Нет, это было платье моей подруги, которая привезла его из Парижа и одолжила мне для съемки. Очень красивое платье. У нее даже слезы в глазах стояли, она раз десять попросила, чтобы я контролировала себя на съемках – действительно, можешь за что-то зацепиться или испачкать платье гримом. Но я была очень аккуратна и вернула его в целостности и сохранности. Оно было очень коротким, и за появление в этом платье я действительно была наказана – меня лишили зарплаты.

– А как вы сами предпочитаете одеваться в жизни?

– Я в основном ношу брюки



С Юрием Яковлевым



С Михаилом Пуговкиным

и свитера. Люблю два цвета – черный и белый, и их сочетание. Ношу платья и костюмы известных брендов. Если куда-то иду, то надеваю черное платье и что-нибудь из очень хорошей бижутерии. Это может быть и Christian Dior, и Chanel. Но у меня есть принцип – костюмы, в которых работала в театре, в кино, на ТВ, не использую в личной жизни, а личные вещи не использую в работе. Исключение составлял только «Кабачок 13 стульев» – туда приходилось брать свои вещи. У портных я никогда не шила, мне это не нравилось. За всю жизнь лишь два-три раза сшила себе что-то у портнихи на Новый год. Это было время дефицита. Одевалась здесь

в Москве, заграничные вещи покупала или одалживала у подруг – тогда все так делали. Когда в первый раз попала за границу в Швейцарию, для меня было откровением, что бюстгалтеры и трусики бывают разных цветов. Это было потрясение.

– У вас в фильме яркий макияж – тени, нарумяненные щеки и очень густые ресницы. Сейчас ресницы не просто густо красят, но даже наращивают...

– Нарощенные ресницы, которые многие женщины носят в любом возрасте, мне не нравятся. Но в целом сегодня наблюдается тенденция к минимализму – яркий макияж, к счастью, ушел в прошлое. И мне это нравится. Я вообще в жизни не пользуюсь

макияжем.

– Вы рассказывали, что были знакомы с Лилей Брик. Она оставалась, как говорится, иконой стиля даже в старости. А как преклонный возраст сочетается с модой?

– Лилия Юрьевна была яркой, очень яркой. Но ей можно было вызывающе одеваться. Она была неподражаема. Женщина-сказка, женщина-загадка. Сильная личность. У нее были ярко-рыжие волосы, всегда красная помада. А Майя Плисецкая, которая ее очень любила, привезла ей ярко-зеленую норковую шубку... Когда Лилия Юрьевна пришла в наш театр, мы ее встречали внизу в костюмерной, где она раздевалась. И вот эта ярко-зеленая шубка и рыжие волосы очень гармонировали. Это не выглядело слишком ярко, она была единственная, уникальная, неповторимая женщина. Даже в 80 лет. Я думаю, женщины всю жизнь красят губы тем цветом, каким начинают красить в молодости, так же подводят глаза, такую же прическу носят... В зрелом возрасте многим надо бы пересмотреть свой внешний вид, но не всем. Лилия Брик принадлежала к таким исключениям.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДВУХ ПИСАТЕЛЯХ И НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Немало времени прошло с тех пор, как грузинская литература понесла невосполнимую утрату – ушли из жизни два больших писателя. Сперва тяжелая болезнь отняла у нас Отара Чиладзе, а спустя несколько лет в своем Аяа-Кутаиси неожиданно скончался Резо Чейшвили. Оба были писателями такого масштаба, что связанный с ними даже небольшой литературный эпизод относится к истории грузинской литературы. Один из таких эпизодов я решил рассказать читателям «Русского клуба». Я был близко знаком с обоими. И лично, больше же – творчески. Обоих почитал, как выдающихся представителей новейшей грузинской литературы. Один случай, казалось бы, небольшой и малозначительный, заставил меня призадуматься.

Но сначала – краткое предисловие.

Блестящий поэт, автор выдающихся поэм Отар Чиладзе с 70-х годов предстал перед читателями как романист. Из пяти его романов я особенно ценю античный – «Шел по дороге человек». Его эмоциональное воздействие и изысканное послевкусие по сей день сопровождают меня.

В моем восприятии диаграмма чиладзевской прозы в дальнейшем стала медленно снижаться. «И всякий встретившийся со мной...» – выдающееся произведение. Превосходен и «Железный театр», кроме последней главы с ее натужным, лабораторным психологизмом. «Мартовский петух» в сравнении с предыдущими оказался слабее. А по поводу «Авелума» у нас с Отаром случилось разночтение и состоялся малоприятный разговор.

К тому времени я стал главным редактором известного мо-

сковского литературного журнала «Дружба народов». В начале 90-ых годов тираж «Дружбы» подбирался к двум миллионам экземпляров, и в силу ряда литературных факторов он и репутационно обошел неизменного лидера – «Новый мир». Как только до меня дошла информация о новом романе Отара Чиладзе, я опубликовал в своем журнале рекламный анонс, «В следующем году публикуем...», а сам позвонил Отару, чтобы спросить, что значит незнакомое мне слово «Авелум», вынесенное в название нового романа. Отара дома не оказалось, а его сын Заза сказал, что «авелум» это придуманное автором шумерское слово, означающее свободного гражданина. В свое время восхищенный поэмой Отара «Три глиняные таблички» я решил, что он опять обратился к мифологии, подключил к ней свою творческую энергию; что же касается «свободного гражданина», то это был популярнейший слоган тех лет. Вдохновленный своими соображениями, я попросил по возможности ускорить пересылку текста, который еще предстояло перевести на русский. В «Дружке» ранее были опубликованы два романа Отара «И всякий, кто встретится со мной...» и «Железный театр»; у творчества Чиладзе появились многочисленные почитатели, которые, как и члены редколлегии журнала, с нетерпением ждали романа.

Сразу же по получении верстки (книжное издание в Тбилиси только готовилось) я передал ее Эмзару Ананиашвили, подлинному профессионалу, переведшему три предыдущих романа Чиладзе. Недели через три он позвонил мне и с интонацией, которую я не смог расшифровать, спросил: «Саша, а вы опубликуете этот роман?!» Я сказал, что покамест не читал и не могу сказать

определенно... «Вот и почитайте. Я не возьмусь за такую большую работу без договора».

Три или четыре раза я приступал к «Авелуму», но тщетно. Чтение романа производило такое впечатление, какое производит застрявший в топи автомобиль – мотор визжит, резина горит, а машина ни с места.

Тут же замечу, что читал рецензию на немецкое издание «Авелума», в которой рецензент сравнивает роман с симфонией Бетховена (рецензия, естественно, появилась после выхода немецкого перевода), но и она не изменила моего мнения.

С Отаром мы встретились в Тбилиси, в Союзе писателей. Наши отношения и прежде нельзя было назвать «не разлей вода», скорее нас связывало давнее приятельство. В тот день теплохладный диалог на улице Мачабели под конец изрядно остыл. Отар неожиданно предложил: «Может быть ты все-таки напечатаешь роман, и пусть читатель рассудит», на что я ответил, не для того возглавляю журнал, чтобы все отдавать на усмотрение читателя. Под конец я получил неожиданное предложение: «В таком случае, опубликуй хотя бы сокращенный вариант». Нелыханное предложение от Отара! Ветераны «Дружбы» рассказывали мне, что при публикации «Железного театра» предложили автору три незначительные купюры и в ответ получили: «Ни одного слова».

К этой истории приросло не-

Отар Чиладзе



большое продолжение. В 2014 году готовился номер «ДН», целиком посвященный грузинской литературе. За годы редакторства я выпустил несколько таких номеров. Собрали неплохие материалы в прозе, поэзии и публицистике. Но на редколлегии заметили, что номер все-таки легковат, ему не хватает мощи, весомости. Тогда же кто-то из членов редколлегии предложил выбрать из отверженного «Авелума» отрывок на три-четыре авторских листа: чиладзевская проза наверняка добавит весомости... Я без колебания дал согласие: «Пожалуйста, найдите листа три-четыре, и я не читая подпишу в печать». Почитатели Чиладзе из членов редколлегии взялись за дело, листали-читали к этому времени изданный старательный перевод Майи Бирюковой, но неделю спустя, удрученные, явились ко мне. Чудеса, да и только! Но давайте все-таки забудем слов немецкого рецензента: «Эта книга похожа на симфонию Бетховена...»

А дальше было вот что: в 2003 году, в один поистине прекрасный день ко мне в редакцию явилась знакомая сотрудница грузинского посольства и протянула два номера журнала «Мнатоби»: в них был напечатан последний роман Отара Чиладзе «Годори». Наше посольство находилось в двух шагах от редакции журнала, скорее всего это обстоятельство поспособствовало судьбоносному визиту. Впечатление от «Авелума» не до конца стерлось из моей памяти, поэтому к чтению «Годори» я приступил не без осторожности. Но эта вещь захватила меня с первых же страниц, с первых строк. Она, можно сказать, пронзила меня и в то же время окрылила, вдохновила. Только два литературных впечатления в моей жизни были сопоставимы по эмоциональному воздействию, так же свежи и полны энергии и страсти – в молодости «Казаки» Толстого, а в зрелые годы «Шум и ярость» Фолкнера. Когда эмоции от прочитанного немного поостыли, я написал Отару письмо, в котором с любовью и глубочайшим пиететом поздравил с большим успехом и горячо поблагодарил за «Годори».

В 90-е годы, живя в Москве, я

как мог отстаивал в московской прессе и на радио «Свобода» (в программе Володи Кара-Мурзы) позиции Грузии в бесконечных конфликтах с Россией. Свои статьи и памфлеты, опубликованные в газетах и журналах, издал книгой, озаглавленной «Трудное усилие возрождения», но с родины непрерывным потоком шла исключительно тягостная информация, угнетающая и вызывающая стыд и боль. Я несколько лет не был в Тбилиси и когда в телефонном разговоре с приятелем пожаловался на это обстоятельство, он с горечью сказал: «Слава Богу, что ты не видишь нас в нынешнем состоянии».

То было время, когда популярная тбилисская газета вышла без текста с пустыми страницами, только наискось через полосы крупными латинскими буквами было набрано единственное слово-диагноз: «Agonia». Тогда привыкшие к комплиментам грузины в первый раз изменили самооценку и признали: «Мы никуда не годимся». Политическая, экономическая, военная беспомощность Грузии и во мне откликнулась слабостью и беспомощностью.

И чиладзевский «Годори» совершил чудо. Он помог мне перевести дух, смыл грязь и срам и даже возродил надежду. В самом деле: не может же быть, чтобы такой сильный полноценный, прекрасный плод, каким был явлен «Годори», вырос из кучи рвани и мусора! Значит в нации, в народе продолжает жить сила и потенция возрождения. Сгоряча я позволил себе даже такое: «Дорогой Отар. Если б я не опасался хватить через край, сказал бы тебе, что возможно все нынешние войны, беды и испытания свалились на Грузию для того, чтобы явилась такая книга».

Письмо положил в конверт и старинным способом по почте отправил Отару в Тбилиси.

Дней через пять он позвонил мне и своим глуховатым баском, странным образом напоминающим вологодское оканье, сказал: «По-моему, твое письмо взволновало меня так, как тебя мой роман».

Разумеется, я был заинтересован в том, чтобы выдающееся трагическое произведение увидело свет на страницах моего

журнала. «Коли книга так захватила тебя, может быть, ты сам и переведешь...», – предложил Отар.

Перевод удался. Сам Отар Чиладзе, необычайно требовательный и бескомпромиссный во всем, что касалось литературы, исключительно высоко оценил мою работу. Что же до откликов в русской прессе, мне кажется, они даже хватили через край. Петербургская «Нева» уверяла, что перевод «Годори» осуществлен на уровне лучших переводов европейской классики XX века – Пруста, Джойса и Фолкнера. Этот перечень хотя бы косвенно характеризовал уровень чиладзевской прозы. А вот завкафедрой перевода Литературного института назвал свою рецензию «Десница мастера» и, ни словом не обмолвившись о романе, сосредоточился исключительно на достоинствах перевода, при этом он припомнил знаменитый афоризм Жуковского: «Переводчик прозы – раб, переводчик поэзии – соперник» и пожурил классика: «Уважаемый Василий Андреевич, ежели б вам довелось прочесть перевод «Годори», вы изменили бы свое мнение». Еще один рецензент (к слову сказать, замечательный русский писатель) вовсе отпустил удила и заявил: «Перевод «Годори» исполнен такой внутренней свободы, энергии и страсти, что Александра Эбаноидзе можно признать автором русской версии романа». Последний отзыв я привел для того, чтобы рассказать о реакции замечательного Отара Чиладзе. Судя по всему, он следил за русской прессой, много писавшей о его романе, и в очередном телефонном разговоре полушутя заметил: «Можно мне как соавтору сделать одно маленькое замечание...»

Вторым в маленькой литературной истории, которую я рассказываю, был Резо Чеишвили. Я чрезвычайно высоко ценю его творчество – рассказы и новеллы. На мой взгляд, Резо не был по призванию романистом, и «Мой друг Нодар», и «Динозавры бродят по городу» эстетически уступают его малой прозе. Лучшие из его рассказов мне видятся в одном ряду с рассказами Мо-

пассана, Чехова, джойсовских «Дублинцев»... Их перечисление займет много места, назову лишь несколько: «Последние дни Луки Пачиолли», «Бзианети», «Третий попутчик», собранная из новелл «Музыка на ветру»... Что до лирико-саркастических «Голубых гор», то им повезло и в кино – экранизация удалась.

В настольной тетради Реваза Инанишвили, обнаруженной после смерти писателя, есть такая запись: «С каким удивительным мастерством написан его «Дым»! (Цитату найти нелегко и доскажу своими словами). В записи главное – вопрос, которым задается Инанишвили: «Неужели европейские знаменитости пишут лучше?» И с мальчишеской гордостью заключает: «Ай-да Чеа! Молодец!»

Вот еще имя – Инанишвили! Какой превосходный был писатель, какие чудесные рассказы дарил читателям – взрослым и детям. Он вполне сознавал своеобразие дара, отпущенного ему Господом и не пытался писать объемную романную прозу. Как великолепно владел он грузинским языком и знал местную флору и фауну, забытые нами названия растений, птиц и зверей!

Прозу Чеишвили отличает отточенное и экономное мастерство, такт, не допускающий агрессию на автономию читателя. В свой мир автор вводит нас исключительно деликатно; в этом он и впрямь похож на Чехова; подобно доктору Чехову, он понимает всю сложность состояния пациента, отчего так глубока его интонация сочувствия и грусти.

В сюжетах, рассказанных автором, житейский абсурд неожидан и согревает теплым лиризмом, а поэтичность коллизии оборачивается сарказмом и горечью. При всей самородной, подлинно кутаисской ироничности творчество Чеишвили пронизано сочувствием к человеку, нелепому созданию, одержимому страстями и страхами. Поэтому даже уморительные истории, рассказанные им, оставляют грустное послевкусие. Не случайно вырвалось у великого комедиографа: «Скучно жить на этом свете, господа!»

А в 90-е годы сердце Резо словно бы оледенело, прекрасные, утонченные гравюры его

рассказов сменились моментальными фотоснимками, сделанными в самый нефотогеничный момент; он не потерял присущую его прозе поэтическую ауру, а изгнал ее, явив нам бессмысленную пустоту «Колодезника», «Гиви» и «Руа»...

А теперь давайте ненадолго оторвемся от творчества двух замечательных писателей и припомним, какая великолепная литература процветала в проклинаемой ныне «совдепии», в канувшем Советском Союзе. Где новый «Звездопад» или «Ветер, которому нет имени» с гениально найденным и выписанным Леко Таташели? Где «Одарю тебя трижды» со свитой превосходных постмодернистских повестей и рассказов или печально-прохладная «Вот и конец зиме»?

«Дата Туташхиа» даже не называю – такую книгу нация ждет веками. И мы дождалась – в советскую эпоху.

Что еще припомнить объемное, многостраничное или небольшое и емкое? Сколько живых ручьев и потоков вливалось в полноводную реку отечественной литературы! «Близится лето» Реваза Джапаридзе, «Мечь» Гурама Гегешидзе, «Факелы, Квазимодо!» Мераба Абашидзе, «Цветок магнолии, или Кончина бабушки Анны» Джемала Карчхадзе, «Платформа «Ботанический сад» и «Ирдион» Сосо Пайчадзе, «Лили» Лейлы Берошвили, «Десятый свидетель» Владимира Сихарулидзе, «Тутарчела» Нодара Цулейскири и его же «Гиена», легшая в основу нашумевшего абуладзевского «Покаяния», суровый и несокрушимый, как Ушба, «Турвожак» Отии Иоселиани, умные, полные иронии новеллы Резо Мишвеладзе и среди них – жемчужина чистой воды «Телеграмма», родоначальница гендерной темы в нашей литературе Наира Гелашвили с ее «Амбры, умбры и арабы» и простые, трогательные сердцем рассказы Нугзара Шатаидзе, увенчанные трагическим «Путешествием в Африку»...

Перечисление достижений минувшей эпохи продолжу притчами Эрлома Ахвледiani «Вано и Нико», в которых Эрлом умудрился привить Чарли Чаплина к Библии и при этом остаться глу-



Резо Чеишвили

боко национальными. Неслучайно Роберт Стураа надумал пересадить маленьких Вано и Нико на большую сцену Руставелиевского театра...

Коль скоро мы вспомнили «Вано и Нико», не забудем и исток в новейшей грузинской литературе – два шедевра Гурама Рчеулишвили «Алавердоба» и «Батарека Чинчараули».

И наконец, в чем провинился Зурикела с его любимыми бабушкой, Илико и Илларионом? Ведь и они явились нам в самом начале 60-х годов, сперва на страницах «Цискари», а затем на экране и на театральной сцене; на спектакле в театре Марджанишвили, ей-богу, я чуть не помер от хохота...

Раз уж к слову пришлось, давайте припомним достижения театра и кинематографа той «гнусной, черной эпохи».

Куда делся грузинский кинематограф, признанный культурным явлением мирового уровня? Неужели нынешнему читателю придется напоминать «Отца солдата», созданного Ревазом Чхеидзе и великолепным Серго Закариадзе?! Или иоселиановских «Листопад» и «Жил певчий дрозд», или «Пловца» Ираклия Квирикадзе, «Нейлоновую елку» Резо Эсадзе и «Грузинские хроники XIX столетия» и «Дорогу к дому» Александра Рехвиашвили, все короткометражные и

полнометражные ленты Годердзи Чохели, «Перелет воробьев» и «Солнце неспящих» Тенгиза Бабуани, «Мелодии Верийского квартала» и «Пиросмани» Георгия Шенгелая, «Необыкновенную выставку» и «Чудаков» Эльдара Шенгелая, «Сурамскую крепость» и «Ашуг Кериб» Параджанова! Перечень киношедевров завершу великолепной четверкой, которой позавидовали бы любые Голливуд и Чинечитта – «Не горюй», «Мимино», «Древо желаний» и «Покаяние»! Нет слов, у нас была великая эпоха!

Отдельно надо оговорить уникальное искусство Резо Габриадзе, зародившееся и расцветшее в ту самую мрачную эпоху, которую нынче принято поносить и оплевывать. Насколько могу судить, Резо не знал со стороны государства ничего, кроме поддержки и помощи.

Но отойдем от театра марионеток и бросим взгляд на актерский театр мрачной советской эпохи. Припомню только то, что видел своими глазами. Начну с полузабытого «Отелло» Вахтанга Чабукиани; затем «Гамлет», сыгранный Гиви Гегечкори, Креон в «Антигоне» и Отелло в исполнении Отара Мегвинетухуцеси; спектакли театра киноактера «В нашем маленьком городке» Туманишвили и Габриадзе и «Дон Жуан»; затем перечислю фантастическую серию Роберта Стуруа – «Кваркваре Тутабери», «Кавказский меловой круг» и вершину искусства преображения, ее недостижимый Эверест – «Ричард III», потрясший театральный мир и подвигший театралов Австралии и Канады лететь в Лондон, на гастроли театра Руставели.

«Ричард III», сыгранный в Вахтанговском большом актером Михаилом Ульяновым, рядом с Рамазом Чхиквадзе смотрелся перепуганным юнцом в дремучей чаще.

В моей долгой жизни, богатой театральными впечатлениями, олицетворение зла шекспировской мощи, созданное Робертом Стуруа и Рамазом Чхиквадзе, остается недостижимой вершиной.

Скорее всего читатель заметил, что, перечисляя творческие достижения злосчастного советского периода, я ни словом не упомянул грузинскую поэзию, со-

хранившую весьма высокую репутацию. Но тут, пожалуй, ограничусь полушутливыми словами Гете: «Стихи – это поцелуи, которые даришь миру, но от поцелуев дети не рождаются».

Названные книги, фильмы и спектакли я перечислил по памяти, не тревожа новейших справочников, и, конечно же, упустил кое-что яркое и значительное. Но для одного важного и в высшей степени несвоевременного вопроса и перечисленного довольно. Однако прежде чем задаться несвоевременным вопросом, обращу внимание читателя на немаловажную и характерную подробность: ни один из перечисленных мной деятелей культуры не восхвалял коммунистический уклад и не льстил власть имущим. Невзирая на это, книги вольнодумцев издавались большими тиражами (общий тираж моего «Брака по-имеретински» перевалил за миллион), а немало авторов и режиссеров было отмечено государственными премиями.

Мне не меньше других знакомы минусы и плюсы советской системы, а кое-что испытано на собственной шкуре: еще в 1957 году я прошел через допросы КГБ по делу, которое западные радиостанции назвали «Дело Дунаевского и других» и по которому мои друзья получили по пять лет полновесных срока. А в 70-е годы комиссия Союза писателей сорвала двенадцатидневное приглашение в Барселону на книжный фестиваль издательства «Зед май» в связи с изданием моего «Брака по-имеретински». Дорогой Чабуа Амiredжиби ставлял меня тогда: «Не спускай им этого с рук. Пригрози, что завтра же созвешь западных корреспондентов и все расскажешь!»

Я мог бы припомнить и неприятности помельче, но опыт жизни научил меня отделять зерна от плевел. Добро – а его было немало, вспоминать с благодарностью, зло отринуть раз и навсегда. Мы же, потеряв объективность, морочим голову подрастающему поколению, до неузнаваемости искажая картину прошлого.

А несвоевременный вопрос, который созрел у меня в свете выше замеченных рассуждений, звучит следующим образом: не-

ужели высокое искусство расцветает только в сурово огражденных садах тоталитаризма?

Разумеется, нет.

Дабы не ошибиться в терминологии, давайте в нашем случае вернем тоталитаризму старое подлинное имя – социализм, и не станем закрывать глаза на то, что мир все больше склоняется к социализму. Непосредственно от Джорджа Сороса слышал в высшей степени социалистический тезис: «Если не работает механизм перераспределения богатства, неравенство становится нестерпимым».

Индекс социальной пропасти между самыми бедными и самыми богатыми исчислен давно и равен 10. Нарушение математически обособленной границы чревато социальным взрывом.

Узнать бы каков сегодня индекс беды в Грузии!..

Об этом ни слова не слышал в бесконечных телетрансляциях из грузинского парламента. Там нет конца скандалам и дракам. Оппозиция не устает петушиться и ерепениться, закидывает политических оппонентов обесцененными русскими рублями, дескать, вы все продажные твари, купленные Россией, и пляшете под ее дудку. «Русский» давно стало в Грузии бранным словом, в сущности ругательством. И уже мало кто помнит, что тем самым из-за каких-то Путина, Лаврова и Шойгу мы оскорбляем нацию Толстого, Лермонтова и Маяковского.

Спокойствие и достоинство – вот что нужно парламенту. Нельзя возвращаться во времена, когда наши политики и телекомментаторы выражали свои убеждения демонстрацией голых задниц и матерной бранью в прямом эфире.

Нынешняя конфронтация напомнила мне письмо, полученное в пору работы в «Дружбе народов». Письмо было из Югославии, пережившей конфликт покрупнее нашего. Запомнились слова священнослужителя, обращенные к охваченной гневом пастве: «Мой призыв прост: прекратим брань и пререкания. Только в тишине мы сможем услышать, что Господь простил нас...»

Эти слова произвели на меня сильное действие: я покинул бесплодное поле полемики. Хорошо

бы и нашим парламентариям прислушаться к словам мудрого священнослужителя.

Была пора, когда близящееся третье тысячелетие представлялось нам временем благодного решения всех проблем. Но оно наступило и резко изменило условия жизни, мир, в особенности, для малых государств и наций. Демографы включили компьютеры и калькуляторы и пришли к выводу, что к 2050 году численность грузин в мире снизится до одного миллиона человек, что в сущности чревато вымиранием нации. Неужели оправдается горькая ремарка Отара Чиладзе в его «Годори»: «Скоро нам объявят, что Грузия вообще выдумка жуликоватого картографа».

В связи с этой угрозой припомню впечатляющий исторический факт. Из Второй мировой войны Япония вышла поверженная и разгромленная, вдобавок униженная Хиросимой и Нагасаки. Нация сполна осознала грозящую ей опасность. Десять послевоенных лет она питалась миской риса и каплей красного соуса в середине. И ценой такой экономии, вскормленная собственным символом, нация совершила то, что мир назвал «японским чудом» – вошла в число наиболее развитых стран мира.

Ясное дело, мы не японцы, никогда не станем японцами, и не удовлетворимся миской лобно, даже основательно приправленным орехами. Господь даровал нам талант иного рода. Мераб Мамардашвили, понимавший все, так охарактеризовал грузинский менталитет: «Пространству, в котором я родился и вырос, присущ исключительный дар: я назвал бы его талантом жизни или незаконной радости». Примерно то же самое написал в своем «Грузинском альбоме» пронзительнейший Андрей Битов.

Неслучайно Резо Габриадзе назвал свою гениальную фантастику «Чудаки» (по-грузински еще точнее – «Шерекилеби», то есть «Чокнутые»). Он знал и любил беспечный дух своего народа и придумал нам в утешенье полет на арбе с двигателем из аппарата по перегонке чачи, и подарил в полет раздольную песню...

Дорогие земляки, давайте к середине наступившего столе-

тия, ко времени предсказанного нам демографического кризиса, увеличим народонаселение милой родины до пяти миллионов человек. Это и будет нашим «грузинским чудом», нашим полетом на арбе и нашей песней!

Далече, однако, завели меня несвоевременные мысли. Пора возвращаться к главной теме моих записок. Надеюсь, читатель не забыл, что мои размышления связаны с двумя выдающимися грузинскими писателями – Отаром Чиладзе и Резо Чеишвили. А случай, о котором я решил поведать, при кажущейся незначительности, наполненный и емкий.

Мы с Резо ехали в его машине по Тбилиси, насколько помню, где-то в районе Дворца спорта. Незадолго до того я прочитал «Годори» и поделился с приятелем впечатлениями, присовокупив: «Давно не переводил ничего крупного, но эту книгу непременно переведу». Не уверен, что Резо слушал меня. Он хмуро смотрел на дорогу и почти без интонации проворчал хрипловатым голосом: «Я ни одному его слову не верю».

Признаюсь, я был удивлен. Промолчал, но призадумался. И позже несколько раз возвращался к этой необычной оценке. Глупец подумал бы, что Резо сказал так из зависти. Я не был глупцом, понимал, что у Резо не было причин для зависти. Тут работали закономерности и механизмы совсем другого масштаба – личностные свойства и писательская эстетика.

В конце концов я пришел к следующему выводу: Отар Чиладзе был в литературе златокузнецом, равноценным братьям Опизари. В известной «Золотой розе» Паустовский описал мастера золотых дел, всю жизнь чеканившего золотую розу. К концу жизни он выковал ее, совершенную, она была как живая. Но она не пахла.

Что до Резо Чеишвили, то он предпочитал случайно найденный в имеретинских лугах цветок саповнела (переведем его название как «найденыш»).

Они и стилистически отличались друг от друга. Сложные разветвленные периоды Чиладзе, перегружены метафорами, эпитетами и ассоциативными пере-

ключками. Его ассоциации точны и эмоционально заразительны, в них то и дело всплывают лейтмотивы романа. Не в них ли немецкий критик расслышал сходство с симфониями Бетховена?

Чеишвили пишет емко, просто и живо. Для перевода чиладзевская сложность оказалась доступней чеишвилевской простоты. Видимо, дело в том, что проза Чиладзе создана по европейской матрице, давно освоенной и обогащенной великой русской литературой, и перевод на русский ей не чужероден.

Проза же Резо Чеишвили самородный, безпримесно грузинский шуми («шуми» – как говорят о кристально чистом вине). Как признал сам Отар, перевод «Годори» оказался конгениален оригиналу; что же касается переведенных мной рассказов Резо Чеишвили, я помню все подробности, так и не давшие адекватно по-русски.

К моей радости и гордости тбилисского старожила, Грузия предала Отара Чиладзе Святогорной земле, похоронила рядом с его кумиром Важа Пшавелой, неподалеку от Грибоедова, чей Чацкий вдруг откликнулся на «Годори» острыми, страстными монологами и едкими репликами.

Резо Чеишвили же в эту горестную тему внес свою ноту: в рассказе «Распределение земельных участков» он вдоволь поиронизировал над пантеоном писательской братии и тихо упокоился в любимом Айкаутаиси на городском кладбище с красивым названием «Мцванеквила» – «Зеленое цветение».

Что касается несвоевременных мыслей, проросших на обочине рассуждений о двух больших писателях, то хочется верить, что они побудят кого-то к размышлению, помогут заново оценить тенденции, явления и персоны – ведь все, с чем нам приходится иметь дело, на поверку многообразней и сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Главное же все-таки то, что маленький, на первый взгляд, литературный факт, рассказанный мной, сделался достоянием большой истории грузинской литературы XX века.



Губинская площадь до строительства собора

ЭТО БЫЛО ДЕВЯНОСТО ЛЕТ НАЗАД

■ Владимир ГОЛОВИН

В этом году можно отметить 90-летние юбилеи событий, резко изменивших жизнь Тбилиси. Изменивших потому, что они преобразили уже сложившийся центр и послужили основой для появления и развития новых районов и новых достопримечательностей. Мы попытаемся оглянуться назад не для того, чтобы давать оценки или судить людей, живших в нашем городе задолго до нас. Только факты. Но за каждым из этих фактов – история, дух времени, свершения времени, и так часто – трагедии времени.

Предпосылки для изменения города были уже в 1920-х, но именно с 1934 года во многом начал складываться современный облик грузинской столицы. А тот облик, который был изменен, сложился в XIX веке. Значительную роль в нем играли уцелевшие после разрушения города захватчиками в 1795-м развалины крепости Нарикала и вертикали множества церквей. Прилегающий к крепости живописный

район с маленькими кварталами, в которых одно- или двухэтажные дома «карабкались» по склонам, фактически находился на средневековом уровне по благоустройству. Продольная пространственная ось города – река Кура была практически изолирована хибарками и хозяйственными постройками.

В новой части на северо-западе от Старого города – в районе Солولاки и на склонах горы Мтацминда – располагались благоустроенные на европейский манер, компактные кварталы со схожим архитектурным обликом. Но и там не было единой планировочной идеи. В XIX веке несколько раз составлялись планы обновления города, но они по сути не предусматривали значительных изменений. Лишь в некоторых районах, таких, как Авлабари и Чугурети, намечалась новая прямоугольная сетка улиц. Уже тогда центр формируется вокруг площади Паскевича-Эриванского (впоследствии – Свободы, Зафедерации, Берия, Ленина, снова

Свободы) и Головинского (ныне – Руставели) проспекта.

Инженерное оборудование всех районов было на очень низком уровне. Не хватало воды и озеленения, летом Тифлис, лежащий в котловине, плохо проветривался и перегревался. Поэтому к 1930-м годам было решено создать оптимальную структуру города, упорядочить уличную сеть, заняться вопросами организации общественного обслуживания и озеленения жилых кварталов. Делать все это предстояло с учетом реальных условий и возможностей того времени. Решать эти вопросы стали в два этапа, объединенных общностью основных целей.

Первый этап – 1920-е годы, когда делались начальные шаги для улучшения бытовых условий, благоустройства и частичной реконструкции самых проблемных участков уличной системы. Тогда практически решить основные вопросы градостроительства было невозможно, но уже рождалась и развивалась градостро-



ительная мысль.

Окончательно, в зрелом виде, она предстала в генеральном плане 1934 года. В Тифлисе уже действовал «Закавказский научно-экспериментальный институт сооружений», который на всесоюзном уровне работал над планировочными нормами для городов и сел. Но из-за сложности и новизны задачи коммунальный отдел Тифсовета все же решил пригласить для составления генплана столицы Грузии специалистов харьковского «Гипрограда» – первого специального института по проектированию городов, созданного в 1929-м.

Проектные работы длились год, только над первым вариантом работали 20 экономистов и 30 проектировщиков разных специальностей. Вместе с опытными представителями «Гипрограда» И. Малоземовым, экономистом Г. Шелейховским в составлении генплана участвовали и молодые грузинские архитекторы З. Курдиани и Г. Гогава. А вариантов этого плана было два. Отличались они один от другого, в основном, выбором различных территорий для дальнейшего роста города. Первый вариант разрабатывала группа, которой руководил З. Курдиани, второй вариант – группа под руководством будущего

главного архитектора Киева Б. Приймака. Рассмотрев обе работы, экспертная комиссия признала: первый вариант более реален и целесообразен для осуществления.

По второму варианту генплана предлагалось развивать город лишь в сторону Авчала и Кукия. А принятый проект был рассчитан на 25-30 лет, городская территория должна была увеличиться с

3.700 гектаров до 10.000 гектаров, а население с 420 тысяч человек вырасти до 720 тысяч. Из-за ограниченных возможностей развития в ширину в стиснутом горными склонами ущелье, город решили почти на 10 километров вытянуть в длину вдоль реки, преимущественно в северном направлении. Планировались новые территории в районах Ваке, Сабуртало – на северо-западной окраине, Дигоми и Авчала – на северо-восточной, Навтлуги – на южной. В восточной части создавались промышленные зоны.

В случае надобности, рассматривалось создание города-спутника и района «Верхний Тифлис» на прилегающих возвышенностях, с учетом естественных ресурсов для хозяйственных нужд столицы. Речь шла даже о возможности смягчения городского климата и орошения пригородных земель с помощью искусственного водохранилища – проекта, реализованного намного позже как «Тбилисское море», которое должно было расположиться на возвышенности к востоку от города.

В протоколе заседания объединенной экспертной комиссии Всесоюзного Коммунального ЦИК СССР, Совнаркома Грузии и Тифсовета план получает такую оценку: «Первоклассная работа по своему качеству... Правильно представлены перспективы экономического и культурного развития, на высоком уровне

Караван-сарай Тамамшева на Эриванской площади





Место, на котором стоял Караван-сарай

осуществлена функциональная организация города... Влияние планировки на микроклиматическое развитие города – методологически совершенно новое явление...»

Основой архитектурной композиции центра Тифлиса стали реконструированные площади, ныне носящие имена Свободы и Революции роз, соединенные проспектом Руставели, а создание набережной практически изменило весь архитектурно-художественный облик города. Именно набережной предназначили роль дублера проспекта Руставели, единственной продольной магистрали города. Старый Тифлис запланировали реконструировать, прокладывая через его хаотичную застройку несколько благоустроенных улиц и сохраняя между ними старинные переулочки и тупики. Пример тому – улица Шуа-базари (она же – Армянский базар, Леселидзе, Котэ Абхаз).

Теперь – об очень важной детали. Вся подготовка генерального плана развития Тифлиса, его выполнение были под личным контролем первого секретаря Центрального комитета компартии Грузии и Закавказского крайкома этой партии Лаврентия Берия. И не только по долгу службы. Тогдашний властитель края с детства мечтал стать градостроителем и в 20 лет, окончив Бакинское среднее механико-техническое строительное учи-

лище, получил удостоверение техника строителя-архитектора. Но, как известно, таковым никогда не работал. Так что, получив безграничные возможности, он непосредственно вмешивался в создание генплана, принимая многие важные решения, и в любое время суток приезжая прямо на объекты.

При этом вопросы «социалистического градостроительства» Лаврентий Павлович трактовал весьма своеобразно. Все, что мешало прокладке новых магистралей и воздвижению новых зданий, должно было уничтожаться. Без колебаний и санти-

Дворцовая улица, ныне - начало проспекта Руставели



ментов, независимо от возраста, предназначения, исторической и культурной ценности. Так с лица города исчезло то, что обозвали «культовыми сооружениями» – многие уникальные церкви, шиитская мечеть, несколько кладбищ.

Дух того времени передает цитата о главной площади города из книги «XX лет Советской Грузии», изданной в 1941 году: «...Место всенародных торжеств трудящихся Тбилиси. Память еще сохранила облик этой площади в недалеком прошлом, когда в центре ее возвышалось мрачное и унылое здание Караван-сарая – бывшей цитадели купцов, спекулянтов и валютчиков. От этого здания не осталось и следа. Сейчас здесь широкий простор залитой асфальтом площади».

По генеральному плану бывшая Эриванская площадь получила значение главной площади города. И 90 лет назад на ней снесли переделанный после пожара театр караван-сарай, построенный в 1851 году итальянцем Джованни Скудиери и принадлежавший миллионеру-меценату Тамамшеву. Убрав трамвайный узел, здесь построили правительственные трибуны.

В том же 1934-м полностью очистили и место, на котором были остатки одного из красивейших «культовых мест» Тифлиса – Александро-Невский военный собор. Вместе с ним снесли здание арсенала, построенное на рубеже 1810-1820 годов. Оба строения находились на территории бывшей Гунибской площади, сей-



Военный Александро-Невский собор

час на этом месте – Парламент Грузии. Площадь была названа в ознаменование взятия в 1859-м последнего прибежища имама Шамиля – Гунибской крепости. Ее переименовали в Храмовую (Соборную) после появления в 1897-м военного собора во имя Александра Невского. Он строился 28 лет.

Внутри красавца-собора, в отличие от многих других, использовалось электрическое освещение. На стенах был красочно оформленный перечень и знамена воинских частей, покорявших Кавказ. Рядом с собором была четырехъярусная колокольня. Храм окружен железной оградой с тремя воротами, вокруг него стояли пушки, отбитые в Кавказских войнах у персидских, турецких войск и у горцев.

В годы независимости Грузии во дворе похоронили тифлисских юнкеров, павших при отражении натиска 11-й Красной армии. Восьмикупольный собор уничтожили в 1928 году. Тогда в нем разместился Комитет по физкультуре и спорту. А в 1934-м доломали колокольню с расположенным за ней арсеналом и начали строить верхний корпус Дома правительства, ныне – Парламента.

А еще 90 лет назад был создан Союз советских архитекторов Грузии, объединивший мастеров старшего и молодого поколений и осуществлявший контроль над тем, как менялся облик Тифлиса. А контролировать под бди-



Остатки собора и колокольня

тельным оком товарища Берия было что. По принятому генплану расширялись ставшая началом проспекта Руставели бывшая Дворцовая улица, подъем Бараташвили, спуск Элбакидзе, Вокзальная и бывшая Воронцовская площади. Были благоустроены обе главные артерии города – проспекты Руставели и Плеханова.

Набережная имени Сталина, первая очередь которой строилась с 1933 по 1939 годы, превратила заболоченный правый берег Куры в красивейшую, озелененную магистраль. Расширились улицы на периферии: Университетская – в Ваке, Шаумяна – в Авлабаре, Брдзола – в Дидубе,

Советская – в Надзаладеви... Были озеленены склоны горы Мтацминда, а на верхнем плато этой горы, на голом, выжженном солнцем месте, обустроили парк, названный Нагорным. Ныне его именуют «Парк Мтацминда» или «Бомбора» а коренные тбилисцы – неизменно «Фуникулер». Именно так, с большой буквы.

Пресса с гордостью сообщала: «В центре внимания встал жилищный вопрос. Дома, ранее принадлежавшие буржуазии, стали заселяться рабочими; началось массовое перераспределение жилищ. Развернулось строительство новых жилых домов... Наряду с созданием крупных жилых зданий велось строительство небольших домов в несколько квартир – главным образом в новых районах горо-

да (в особенности в Ваке)». Все восхищались новыми домами на проспектах Руставели, Плеханова и Чавчавадзе, на улицах Бараташвили и Марджанишвили...

Многое по генплану-1934 получили до Второй мировой войны учебные заведения: физико-химический корпус Государственного университета, первый корпус Института инженеров железнодорожного транспорта, часть городка Медицинского института, только в 1936-1938 годах – 20 новых школьных зданий. Зрелищные сооружения обогатились кинотеатром имени Ш. Руставели, стадионом «Динамо», Государственным цирком. Медицина – больницей «Лечкомбинат»



Сейчас на этом месте - Площадь Героев

и бальнеологическим курортом. Появилось здание киностудии «Госкинопром».

А еще 90 лет назад родилось название «Площадь Героев Советского Союза». Именно так аж до 1950-х годов звучало наименование места в конце улицы Варазисхеви. Еще в начале XX века здесь был пригород, через который проходила Дигомская дорога – участок Военно-Грузинской дороги. В его окрестностях располагались Верийские сады, не меньше, чем Ортачальские, известные своими харчевнями и духанами.

Самый знаменитый среди них – духан «Не уезжай, голубчик мой». Это – дань весьма модному в свое время романсу дипломата и военного Николая Пашкова «Не уезжай ты, мой голубчик». Располагался духан у поворота дороги, сразу за кирпичным мостом через реку Вере, сооруженным в XVII веке на средства царя Ростома. Это примерно там, где сейчас – вход в зоопарк. Дальше города уже не было, Военно-Грузинская дорога шла через Дигоми к Мцхета.

Освоение этого места началось в XX веке – сначала, в 1927 году здесь был построен зоопарк, а при реконструкции города в 1930-е годы, во время прокладки улицы Челюскинцев (ныне – Царицы Тамар) эта магистраль пересеклась с улицей Ленина (Мераба Костава) и образовалась площадь, за год до официального

открытия в 1935-м получившая имя Героев Советского Союза. Звание это было установлено в 1934-м и присвоено семи полярным летчикам, участвовавшим в спасении терпящих бедствие пассажиров и членов экипажа парохода «Челюскин».

Площадь стала одной из важнейших транспортных развязок в городе, решив, говоря языком градостроителя, «проблему поперечных связей». Она обеспечила связь проспекта Руставели с открывшимся спустя год мостом через Куру, а через него –

с железнодорожным вокзалом. Согласно генплану, на ней появились стоквартирный жилой дом и Государственный цирк. А приток Куры – река Вере была заключена в трубу в 1957-м.

Имя же Челюскинцев мост получил тоже 90 лет назад, за год до официального открытия. Этот первый крупный мост, построенный в Тбилиси в советское время. Два его центральных пролета перекрывают русло реки, два боковых – проезды вдоль набережных. На проезжей части – 4 полосы для движения автотранспорта. Современное имя – Царицы Тамар – мосту, соединившему привокзальную часть города с центральной частью и районами Сабуртало и Ваке, дали в 1989 году.

И, наконец, 90-летие – у Национальной художественной галереи Грузии на центральной магистрали. Она расположилась в здании бывшего «Храма славы» – Кавказского военно-исторического музея. Пожалуй, такой запутанной судьбы нет больше ни у одного музейного заведения. Поэтому стоит уделить ему особое внимание. Внушительное здание со стеклянной крышей по образцу выставочного дворца в Риме приняло посетителей в 1888 году. Но экспозиция музея была довольно скромной, в нем проводились различные частные выставки, не имевшие никакого отношения к военной истории.

В 1906 году новый царский на-

Духан «Не уезжай, голубчик мой»





«Храм Славы» на Головинском проспекте

местник на Кавказе генерал-адъютант, граф И. Воронцов-Дашков передал музей в ведение Военно-исторического отдела при Штабе Кавказского округа, «как учреждение, имеющее с ним тесную и неразрывную связь по своим задачам». А в Петербург, в военное министерство, сообщил: «Музей этот, не имевший никакого хозяина в течение 17 лет, находился в первоначальном виде и мало помалу приходил в совершенный упадок. Оставляя музей в таком положении я признал невозможным...».

На следующий год состоялось новое, торжественное открытие изменившегося «Храма славы», с тремя отделами – историческим, этнографическим и библиотечным – ставшего одним из лучших военных музеев империи. Гордость коллекции составили переданные из государственных хранилищ знамена и боевые трофеи.

Здесь были весьма интересные правила посещения. Для военных всех званий, солдат, офицеров и воспитанников военно-учебных заведений – вход бесплатный. Для всех остальных – лишь по понедельникам, средам и пятницам с 11 до 15 часов, а билеты стоили аж 20 копеек.

Несмотря на такие ограничения, военный историк и кавказовед, полковник Семен Эсадзе, ставший в 1912-м директором музея, писал, что «всекавказская известность и популярность вызвала со стороны частных лиц громадные пожертвования цен-

ных вещей, картин и портретов, которые приносятся Музею в дар и по настоящее время». Но проходит еще три года, и «Храм славы» исчезает. По приказу главнокомандующего Кавказским фронтом из Тифлиса эвакуируют архивы и центральные учреждения. Так экспонаты музея оказываются на Северном Кавказе.

В 1920 году, уже при правительстве независимой Грузии, здесь открылась первая Грузинская национальная галерея искусств с картинами различных периодов времени и направлений. Возглавивший ее художник и общественный деятель, выпускник Мюнхенской академии художеств Дмитрий Шеварднадзе сумел организовать галерею не только как музей изобразительных искусств, но и как заведение, продвигающее достижения современного изобразительного искусства.

Однако для многих работ стало не хватать места, и Шеварднадзе предложил перевести галерею в исторический район. В 1933-м со скалы Метехи в Ортачала перевели тюрьму, а оставшиеся здания передали Национальной художественной галерее. Через год она вновь открылась для публики на проспекте Руставели, став государственной. А еще через три года специалист по зодчеству Лаврентий Берия расстрелял Дмитрия Шеварднадзе. Тот посмел выступить против сноса церкви Успения Богородицы на Метехском плато и отказаться от предложения стать директором музея

с масштабной копией церкви...

А все экспонаты «Храма славы», вывезенные во время Первой мировой войны на Северный Кавказ, в 1934 году были полностью возвращены в Тифлис. Но в бывшем военном музее их не ждали. Коллекцию расформировали и по частям передали в другие музеи города. Знамена, ордена, различное оружие и обмундирования отправились... на киностудию «Госкинопром». И стали там эти ценности простым реквизитом для съемок исторических фильмов с батальными сценами. В начале 1990-х, когда дела киностудии, уже именовавшейся «Грузия-фильм», стали



Дмитрий Шеварднадзе

совсем плохи, уникальные экспонаты из «Храма Славы» распродали в частные руки.

Здание же на главном проспекте города в народе стали называть «Голубая галерея» – по цвету окраски фасада. В 1989 году здесь открылась экспозиция современного грузинского искусства, в 2007-м Национальная галерея вошла в структуру Грузинского национального музея, через пять лет после этого ей присвоили имя Дмитрия Шеварднадзе. Сегодня здесь – одна из главных выставочных площадей Национального музея, где и временные выставки проходят, и постоянная экспозиция размещена. А на фасаде все еще можно увидеть барельефы с военной тематикой...

Вот такие в столице 90-летние юбилеи.



ДРУЖКА

■ **Нодар ДУМБАДЗЕ**

Перевод **Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ**

*...Яркой звездой просверкал он на небосклоне
Литературы – и ушел безвременно. Он любил жизнь,
людей, животных, любил мир. И оставил нам свое
творчество, озаренное светом добра и любви. Да,
«Все проходит», но добро и любовь – нетленны.
К. М. Коринтэли*

Сказочную свадьбу справил Гугуни Джаиани своему сыну, Имедо Джаиани. Уйму скота и птицы зарезали, закололи, забил к тому дню в Зугдиди. Во дворе, зеленеющем шелковистой муравой, раскинули огромный шатер, в котором накрыт был грандиозный стол – в сто двадцать шагов длиной!

Шел проливной дождь, казалось, небо со всеми своими облаками спустилось под ноги. А гости все прибывали и прибывали беспрерывным потоком. К

полудню за столом, кроме женщин, сидело шестьсот пьющих мужчин, и когда свадебный тамада, Иродион Шелегия, подняв литровый рог, провозгласил здравицу жениха и невесты, одним разом было выпито шестьсот литров вина.

– Сам светлейший Дадиани не видал такой свадьбы! – с удовлетворением отметил консультант свадьбы, пятидесятилетний Рэма Чиквани, и провел рукой по орошенным вином белоснежным усам. – Сорэна

мечонгурэ цирэфи? – спросил он по-мегрельски, что означает: «где девушки-чонгуристки?». И когда девушки-чонгуристки предстали перед его ясные очи, заказал им старинную «Дидоунана», удобно расположился в кресле и приготовился слушать.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и так уставилось своими пылающими глазами на Зугдиди и двор Джаиани, будто впервые уличезрело землю.

– Пусть никто не болтает, что Бога нет! – воскликнул обрадованный тамада.

– Сам Дадиа не устаивался такой свадьбы! – повторил Рэма Чиквани.

Ангел, похищенный с похорон Агати Акубардиа, матери Шутуниэ Цикаридзе из Мелекедури, – красавица Татулиа Эркомаишвили была невестой Имедо Джаиани, и от счастья Имедо парил в небесах, тех самых, которые только что изливались на землю.

Но нет, не похищена была Татулиа – по своему желанию пошла она за Имедо Джаиани, да и слыхано ли, чтобы хоть когда-нибудь какую-нибудь невесту из

Гурии в Мегрелию приходилось бы силком тащить! И однако ж семейство Джаиани вот уже целый месяц все не помирится со вспыльчивыми гурийцами. И сказочная свадьба тоже протекла при полном отсутствии гурийцев. О шаферах и говорить не приходится, но даже невестиного дружки – и того не было рядом с Татулией Эркомишвили. Впрочем, нужен ли был красавице-гурийке дружка! Она сияла рядом с женихом, точно утреннее солнышко. Безмерно оскорбленная всей своей родней, она тем не менее держалась гордо, с достоинством и ничем не проявляла обиды. Лишь слишком наблюдательный взор мог бы подметить, что легкое облачко печали туманит прекрасный лик.

«Посмотрим, сколько вы без меня выдержите, милейшие мои гурийцы, в конце концов ведь примиритесь с моим замужеством, вот тогда-то я вам и отплачу за мой позор, попомню, что вы меня на смех подняли!» – так думала Татулиа Эркомишвили в тот самый миг, когда край шатра откинула чья-то рука и вошел вымокший с головы до ног мужчина саженого роста со спадавшими на лоб густыми мокрыми кудрями.

– Мир вам! – громко проговорил вошедший и, как это свойственно всем богатырского сложения людям, добродушно и застенчиво улыбнулся и неловко спрятал за спину огромные ручки.

– С ума сойти! – вырвалось у невесты, и она даже приподнялась на ноги.

– Кто бы вы ни были, батано, пожалуйста к столу, гость от Бога, – пригласил вошедшего хозяин, – однако, если вы окажете нам милость и сообщите, кто вы и как вас величать, нам будет еще отраднее...

– Я, батано, Сатутиа*, Сатутиа Шаликашвили, опоздавший дружка невесты, – с той же застенчивой улыбкой ответил гость, – но я в этом не виноват. Как назло, именно сегодня небо обрушилось на землю, и потому мне пришлось задержаться в дороге.

– Хвала Всевышнему, что хоть один гуриец пожаловал к нашему столу, видно, не все они погнушались нашим обществом, – приветливо улыбаясь, но с явным упреком проговорил Гугуни Джаиани.

– Я вас прошу, батано, не браните при мне гурийцев, и я обещаю, что выпью один все те тосты, которые полагается выпить на этой свадьбе им. Может быть, я хоть отчасти заглажу этим их вину, – попросил Сатутиа Шаликашвили.

– Ты кажешься крепким парнем, батано Сатутиа, но не прихвастнул ли ты малость? – с недоверием оглядывая гостя, сказал хозяин.

– Нет, батано, я за свои слова отвечаю.

– О-о! Дай Бог тебе здоровья!

– Штраф ему, штраф, и подать ему этот рог! – распорядился чуть-чуть захмелевший тамада и послал Сатутии свой литровый рог.

– Одну минутку, я сейчас, батано! – возразил гость и направился к жениху и невесте.

Сперва он подошел к невесте, прижал к своей могучей груди ее красивую головку и поцеловал в лоб. Затем оборотился к жениху. Долго глядел на него.

«Какие же умные, хитрые и добрые глаза у этого окаянного», – подумал он про себя, а вслух проговорил:

– Поздравляю тебя, братец. – Пожал ему руку, обнял, но не поцеловал, и уж только после этого всего принял поднесенный ему рог.

– Первым делом выпейте за здоровье молодых, а потом нагоняйте нас, – наставил его тамада.

– Ваше имя? – поинтересовался Сатутиа.

– Наше? – с достоинством переспросил тамада во множественном числе и приложил ладонь к своей груди.

– Да, ваше.

– Ироди, батано, Иродион Шелегиа!

– Уважаемый Иродион, дорогие гости, соседи, друзья, недруги и доброжелатели, словом, все, сидящие за этим столом! Месяц назад с небосклона Озургети исчезло солнце, и с той поры мы его больше не видели... – проникновенно загово-

рил Сатутиа.

– Да, да, действительно, уж такая скверная погода стоит... – подтвердил тамада.

– Солнце исчезло! Мы ждали, надеялись, что оно вновь появится, но оно и помнить о нас забыло, и не думает о том, что мы так ждем его...

– Охо-хо, не может быть, чтобы это не отразилось на урожае! – забеспокоился кто-то.

– Конечно, конечно, вот, например, у нас в Гали ткемали незрело, и все плоды пообсыпались с деревьев, – посетовал сидевший напротив Сатутии мужчина.

– Ай-ай-ай, пропали вы, получается, а? – ужаснулся за жителей Гали его сосед по столу.

– Однако с вашим прибытием погода исправилась, и солнце выглянуло, и потеплело, – утешил Сатутию Гугуни Джаиани и в знак благодарности за погоду потрепал его по плечу, одновременно давая понять, что пора бы и к делу приступать.

– Что вы меня-то ласкаете, батано, когда это солнце своей волей, по своему желанию пожаловало к вам, а будь на то моя воля, оно бы сюда и глянуть не глянуло! – произнес в ответ Сатутиа, вроде бы и не принимая благодарности.

– Нам не интересно, сколько плодов дает чье-то там ткемали или сколько початков соберут с чьего-то кукурузного поля, вы, пожалуйста, поздравьте молодых, – напомнил тамада опоздавшему дружке его обязанности.

– Это солнце сегодня венчается! – будто и не слыша его, провозгласил Шаликашвили. – Венчается с луной, и все мы присутствуем при этом событии... Потом у этого солнца появятся маленькие солнышки, и небо Зугдиди наполнится малютками солнышками и луночками, а потом, когда они уже не смогут уместиться на небе, они спустятся вниз на землю и на земле будут умножать свое потомство...

– Как ваша фамилия, батано? – прервал впавшего в экстаз гостя тамада.

– Шаликашвили! – просто-душно, хотя и с достоинством ответил Сатутиа.

– Ах, а я думал – Коперник! – удивился Ироди Шелегиа. Все засмеялись, один Сатутиа не за-

*Сатутиа – от грузинского слова «сатути», имеющего три значения: нежный; утонченный; деликатный

смеялся.

– Да, я Коперник, – подтвердил он догадку тамады.

– В таком случае я опять же позволю себе напомнить вам, что вы до сих пор не выпили за здравие нашей юной четы!

– А что я говорю все это время? – искренне удивился Сатутия.

– Все, кроме этого, да еще вы не сказали, что Земля круглая и что она вертится! – ответил тамада. Опять все засмеялись, а бедный Сатутия онемел.

– Выпей, Сатутия, и садись, – попросила Татулия своего дружку и друга детства.

– Сию минуту, моя госпожа! – с готовностью воскликнул Сатутия, поднес к губам рог и не отрываясь, одним духом осушил его до дна.

– Ну, ты, брат, силен! – растрогался тамада.

– Да, я силен, – согласился Сатутия.

– Силен будешь, когда нас догонишь, – критически заметил кто-то.

– А что для этого нужно? – живо заинтересовался Сатутия.

– Дадиановский рог нужен, дадиановский! – выкрикнул директор Краеведческого музея города Зугдиди Зелимхан Гвамичава.

– Пожалуйста, батано, дадиановский так дадиановский, пускай хоть багратионовский, мне безразлично! – безмятежно улыбнулся Сатутия.

– Он или очень глуп, или очень хвастлив, или просто очень пьян? – тихо спросил невесту жених.

– Он очень умен, очень скромн и очень трезв, – покраснев, твердо ответила невеста.

– Он хотя бы видел дадиановский рог? – продолжал выяснять жених.

– Если не видел, увидит сейчас, – с достоинством отвечала невеста.

Жених саркастически улыбнулся.

Тем временем в свадебный шатер вкатили обитую алым бархатом коляску о четырех колесах. Сиятельный дадиановский рог, точно доблестный муж, опоясанный серебряным поясом с кинжалом, возлежал на этой коляске, аки дракон с разверстой пастью, и взирал на изумленное его размерами общество.

– Наполнить рог! – приказал тамада.

Два виночерпия подскочили к рогу.

Он поглотил один небольшой кувшин и одну бутылку, в общей сложности четыре литра «Оджалешки». Сатутия припал к его зеву, как заблудившийся в пустыне бедуин. Шестьсот мужчин, сидевших за столом, превратились в один огромный любопытный глаз.

– Ух ты, вот это силища, вправду крепок, черт! – сказал про себя озадаченный дадиановский рог, одним духом опустошенный прибывшим на свадьбу дружкой Сатутией Шаликашвили.

Сатутия, лихо покотив порожний рог по столу, продолжал твердо стоять на ногах.

– Он ваш, молодой человек! – вырвалось у потрясенного происшедшим Рэма Чиквани.

– Кто, батано? – в недоумении спросил Сатутия и огляделся по сторонам.

– Рог, рог ваш! – пояснил Рэма Чиквани.

– Ну что вы! – застыдился опоздавший дружка.

– Слово батони Рэма – закон, да и, кроме того, на роге написано: «Кто осушит меня, тому я принадлежу», – подтвердил Гугуни Джаиани и с сожалением покачал головой.

– Ну нет, один рог мне ни к чему, не единорог же я в самом деле, вот ежели у вас есть и второй такой же, давайте и его в придачу, я и второй выпью, а уж два таких рога стоит увезти в Гурию, ей-Богу, – рассмеялся уже несколько захмелевший и настроившийся на шуточный лад Сатутия.

– Что вы, что вы, батано, откуда второй, это единственный и неповторимый, вся история рода Дадиани проходит через него, он оценен экспертами в один миллион рублей! – икая от волнения, проговорил Зелимхан Гвамичава.

– Нет так нет, пускай и этот здесь остается. Все равно моей беде и миллион не поможет. А один рог я ни за что в Гурию не повезу! – заартачился Сатутия.

– Нам ваша милостыня не нужна, слово есть слово, – обиделся хозяин.

– Тогда наполните его еще разок, чтобы я хотя бы выпил два рога, и так и быть, заберу,

ладно, – вконец обнаглел окосевший Сатутия.

– Наполнить рог! – велел рассерженный Рэма Чиквани.

– Не делай этого, Сатутия! – взмолилась побледневшая Татулия.

– Не волнуйся, бесценная моя Татулия, я не осрамлю тебя! – заверил ее дружка.

Снова подбежали к рогу два виночерпия, снова поглотил рог четыре литра, снова стол превратился в один огромный любопытный глаз, и снова приник к рогу гость...

«Ух ты, вот это силища, крепок, да как крепок, черт!» – хотел было сказать про себя ошеломленный дадиановский рог, да не смог повернуть пересохший язык, с разинутой пастью повалился на свою алобархатную коляску и предался крепчайшему сну.

– Твой он, твой, юноша! – со слезами умиления на глазах воскликнул Рэма Чиквани. – Вот это настоящий мужчина! – добавил он по-мергельски, потом распахнул объятия и прижал к груди вспотевшего, улыбавшегося, с помутившимся взором и разумом богатыря, облобызал его и бережно усадил на стул.

– Сорэна мечонгурэ цирэфи?* – спросил он.

Подвели девушек-чонгуристок.

– Пойдите с ним и пойте ему колыбельную, – велел им Рэма Чиквани и, невероятно довольный, откинулся на спинку кресла.

Двое храбрых молодцов почтительно увели пошатывавшегося Сатутию Шаликашвили в гостевую опочивальню.

– Простите великодушно, батано Рэма, но чье имущество вы дарите этому полоумному голодранцу из Гурии? Или вы изволили забыть, что этот самый рог Гугуни Джаиани одолжил у музея на один-единственный день? – обратился к консультанту свадьбы белый, как полотно, Зелимхан Гвамичава.

– Дурак, разве и Гурия, и Мегрелия не есть части Грузии, единой нашей матери?! Рог должен принадлежать достойному! Так написал на нем сам великий Дадиа, и так оно и должно быть! – рассердился Рэма Чиквани.

– Дадиа-то написал, но Ми-

*А где девушки-чонгуристки?

нистерство культуры записало рог за мной и оценило его в один миллион рублей! – возопил Зелимхан Гвамичава. – То же самое было и в прошлом году, когда Латариа дарил этот рог какому-то безмозглому лечхумцу Карселадзе! Да, Лечхуми тоже часть Грузии, но я не в силах более выносить все это, мое несчастное сердце не выдержит в конце концов и в один прекрасный день разорвется, вот тогда и делайте что хотите!.. – зарыдал Гвамичава.

– Отстань, недоумок, кто отдаст дадиановский рог этому обормоту, появится еще кто-нибудь и осушит его. Да в конце концов я сам выпью этот рог, черт возьми! – гордо выпрямился Рэма Чиквани и рукой отмахнулся от директора музея.

– Надеюсь на вас... – пролепетал директор музея в глубокой печали, вернулся на свое место и продолжал скулить там.

В шесть часов утра Сатутиа Шаликашвили уже сидел на тахте и со стыда не решался выйти из комнаты. Он еще не совсем пришел в себя и никак не мог вспомнить, что он такое натворил вчера. Помнил только, что выпил огромное количество вина и держался весьма вызывающе, но что наболтал с пьяных глаз и кому – начисто не помнил.

Сидел Сатутиа Шаликашвили на тахте. Держался обеими руками за голову, полную тумана, и не осмеливался выйти из комнаты.

В семь часов утра в дверь постучали.

Сатутиа застыл.

Вошла Татулиа.

Сатутиа не поднял головы.

– Доброе утро! – приветствовала его Татулиа и под села к нему.

Сатутиа не издал ни звука.

– Осрамил я тебя, да? – наконец, после долгого молчания, выговорил он.

– Что ты, Сатутиа!

– Опозорил, да?

– Наоборот, ты приехал, уважил меня, честь оказал, я никогда тебе этого не забуду!

– Ты правду говоришь?

– Конечно правду! А теперь – пошли к столу, Сатутиа, люди ждут тебя, свадьба тебя ждет, – попросила Татулиа и положила свою изящную ручку на его огромную лохматую голову.

– Поеду я домой, Татулиа, по-

видал тебя – и поеду обратно.

– Да ну что ты говоришь, Сатутиа?!

– Ты думаешь, я кутить сюда приехал, моя Татулиа?

– А зачем же ты приехал? – удивилась Татулиа.

У Сатутии, как вчера от вина, помутилось в голове.

Наступило такое продолжительное молчание, что у Татулии замерло сердце от ожидания чего-то ужасного.

– С первого дня мироздания люблю я тебя, Татулиа, неужели я не сумел дать тебе это понять!.. – заговорил наконец Сатутиа едва слышным, откуда-то издали идущим голосом.

«Замолчи, Сатутиа!» – хотела было крикнуть Татулиа, но язык не повиновался ей, и она просто прижала к устам Сатутии ту самую свою изящную ручку, которую только что возлагала ему на голову.

Сатутиа бережно убрал эту руку.

– Доколе же мне молчать, Татулиа, уж если ты решила выйти за такого, как этот... этот... сказала бы раньше... и... ведь ты была... ты была все равно как икона для всех юношей Озургети!..

– А кто мне об этом сказал, кто? – широко раскрыв удивленные глаза, прерывающимся от волнения голосом спросила Татулиа.

– Кто посмел бы тебе это сказать, ты как солнце сияла надо всеми нами, а разве солнце когда-нибудь спрашивало кого-нибудь, взойти ему или нет...

– Ох, несчастный Сатутиа!..

Сатутиа взял ее маленькую теплую руку и приложил к своей щеке.

– Вернись назад, моя отрада, вернись домой, мое солнце и счастье мое, а нет, так жизнь моя не стоит и гроша! Вернись домой, Татулиа!.. – Голос у Сатутии задрожал.

– Не говори мне этого, Сатутиа, не говори! Тот человек, что сидит рядом со мной, – мой муж, я его жена, и он мне дороже всего на свете... – И Татулиа снова открыла ему рот рукой.

– Не о том ли я и плачу?! – воскликнул Сатутиа.

Когда Рэма Чиквани распахнул дверь гостевой комнаты, он обомлел от изумления. Богатырь-друга сидел на краешке тахты, прижимая маленький белый ку-

лачок невесты к своей опаленной солнцем щеке, по которой катились слезы величиной с этот кулачок.

– Боже, что видят мои глаза! Чего только я в жизни не навиделся, но чтобы такой молодец слезы лил?! Вставай-ка лучше и идем, дадиановский рог и люди ждут тебя!

– Разве я приехал сюда ради рога и пира, батона Рэма? – скорбным голосом спросил Сатутиа и воздел на Рэма Чиквани полные слез глаза.

У Рэма Чиквани вдруг бешено заколотилось сердце, но он и бровью не повел и сделал вид, что не слышит слов гостя.

– Ну, брат, ты вчера такое устроил, весь народ с ума свел! Дважды кряду сам Дадиани не осушал этого рога! Эх, почему Господь Бог не создал тебя на сто лет раньше!..

– На сто лет раньше или позже, – все равно, Господь Бог с самого моего рождения отвернулся от меня...

– Не беспокойся, милый, любовью и вниманием твою Татулию здесь не обойдут, на руках ее будут носить. – Рэма Чиквани опять сделал вид, что не слышит его слов.

Невеста молча встала и вышла из комнаты.

– О том я и плачу, батона Рэма, что ее тут не обойдут ни любовью, ни лаской, ни вниманием... – сказал консультанту свадьбы, пятидесятилетнему Рэма Чиквани, опоздавший дружка невесты, двадцатилетний Сатутиа Шаликашвили. Сказал и поднялся с места.

– Ступай теперь и ты, милый, – проговорил Рэма Чиквани. – Отправляйся домой.

– Да, я отправлюсь домой, Рэма-батона, и к черту в пекло! – пообещал гость.

– Ступай с миром и будь разумным, – напутствовал его Рэма Чиквани.

Гость отворил дверь, вышел на балкон, спустился по лестнице во двор, вышел на улицу, потом на большую дорогу.

Никто ничего не проведал.

Никто ничего не слышал...

Сказочная свадьба шла своим чередом.

Шагал по дороге Сатутиа Шаликашвили. Пешком, ни с чем возвращался он в Гурию.



Гертруда Шмальцель

оперном хоре. Приходи к нам в гости, у нас все комнаты в их работах!» – получаю я приглашение и очень хочу зайти туда, за забор с кошками и глицинией, чувствуя что-то необычное.

Во дворе раскинулась могучая акация с огромным дуплом, в котором подушечка для котят, очередных брошенок. Вокруг дерева и у входа в дом, который тут же, за забором, миски с едой и водой для четвероногих бомжиков. На заборе сидят, как сфинксы, отъевшиеся огромные коты, словно покровители доброго дома. В доме – мама Инги с перенесенным инсультом и дочь со своими подростковыми проблемами. Но это не мешает ей заботиться о кошках и искренне радоваться жизни и нашим встречам.

Кажется, что Ингины кошки – хранители событий прошлого, такой у них таинственный вид. Сладко пахнет глициния над забором, нежная и радушная, как хозяйка, а двор действительно с историей, как и дом, и вся семья. Потому, что здесь когда-то поселились и жили тбилисские чехи, а Инга с мамой – их прямые потомки. Тяжелобольная мама хочет, чтобы ее причеса-

ДВОР С ГЛИЦИНИЕЙ

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Сколько тайн спрятано в наших старотбилисских дворах!

Вот двор моей хорошей знакомой Инги. Она прочитала в журнале историю моего баскета Вилли и решила, что мне можно доверять все мысли, важные и не очень моменты жизни, дом, детей, мужа и кошек. Муж – смуглый, скромный, улыбчивый, трудолюбивый богатырь – занят фруктами и овощами в собственной лавке на улице Джавахишвили. Заходишь к ним – и начинается суэта вокруг многочисленных ящиков, советы, что слаще, что свежее и что лучше приготовить на сегодня. Таких магазинчиков много

рядом с моим домом, но мы с собакой Пепушей ходим за покупками только к ним. Ничего, что дальше. У них всегда хорошо, радостно и по-тбилиски тепло. Как дома. Понятные они, родные...

Все стены магазинчика – в интересных работах, рисунках, выжженных на обычных досках для нарезки овощей. «Это все работы моей бабушки, Гертруды, она так красиво рисовала, очень талантливая, была солисткой оперного театра! И сестра ее, бабушка Агнесса, прекрасно рисовала, делала чеканки, бесподобно вышивала и гладью, и крестиком, пела много лет в



**Петр Шмальцель и его супруга
Зузан Антонина-Христина**

ли и посадили – так она меня встречает, и для меня вспоминаются имена, события, выносятся газеты вековой давности, фотографии, чешский фарфор и бесценные дневники. Вся обстановка дома со скрипучими полами, старинными книжными шкафами и буфетами – уже история, рассказ о живших здесь людях...

Как попали к нам чехи, какие чувства и мысли ими руководили, политические или экономические мотивы, а, может, порывы молодости, жажда приключений и большие надежды, мы уже не узнаем. Но они оставили глубокий след в промышленности, строительстве, здравоохранении, культуре Грузии. А началось все с прадедушки Инги – Петра Шмальцеля. Он был из небольшого городка Предграда, окончил в Праге железнодорожное училище, уехал на работу в Иран, потом оказался в Тбилиси, где у него жил знакомый соотечественник – дядя его будущей супруги,

уроженки Брно, Зузан Антонины-Христины.

Какие зигзаги умеет рисовать судьба! Молодые влюбились, поженились и уехали на Камчатку, где Петеру было поручено построить здание первой в России радиостанции, которая связала Санкт-Петербург с Петропавловском-Камчатским. Затем было строительство тоннеля на Восточно-Китайской железной дороге, где и родился их первенец, дедушка Инги. Но молодых людей все время тянуло в теплый, приветливый, многонациональный Тбилиси – город их первой встречи и большой любви, и они решили там поселиться.

На Николаевской (теперь И. Джавахишвили) улице, недалеко от католической церкви Св. Петра и Павла, они приобрели участок земли и построили тот самый дом, в который меня сейчас пригласили в гости. Петер устроился на работу по специальности, строил мосты, здания, тоннели как в Тбилиси, так и по Грузии. На Зеленом мысу познакомился с Андреем Красновым, ботаником и географом, основателем уникального ботанического сада, с которым дружил потом всю жизнь. По сей день двор украшают корольки, гранаты и другие растения, саженыцы которых подарил семье Краснов.

А семья росла. Вокруг интересной, очень уважаемой пары собирались люди, становившиеся друзьями на всю жизнь, и, конечно, свои, чехи. Неудивительно, что впоследствии их внук, Гарольд Шмальцель, дядя Инги и родной брат ее мамы, возглавит чешское общество «Злата Прага». В доме часто бывали живший неподалеку Иван Сокол, основавший в Тбилиси первое производство духовых инструментов, Ярослав Святош – организатор грузинского филиала популярного чешского спортивного общества «Сокол», Вацлав Буреш, первый директор тбилисского станкостроительного завода и многие другие.

В семье соблюдались все чешские традиции, пышно отмечали Рождество с огромной елкой и традиционным обедом, другие праздники, собираясь

за большим столом, во главе которого сидел Петер, и обязательно читал молитву перед трапезой. Только после этого супруга подавала обед. Детей было шестеро, все выросли достойными, умными и успешными людьми. Старший, Николай, дедушка Инги, стал известным гидроинженером, начал с работы на строительстве первой крупной грузинской гидроэлектростанции ЗАГЭС, много лет работал в гидротехнической лаборатории, смоделировал гидротехнические сооружения для всех гидроэлектростанций Грузии и Кавказа. Он является одним из пионеров гидрологии Грузии. Ему принадлежит ряд научных трудов, известных в нашей стране и за рубежом.

Дочь, Гертруда Шмальцель, была солисткой Тбилисского театра оперы и балета, на протяжении 25 лет пела ведущие партии. Обладательница сильного, красивого голоса, она создала немало блестящих женских образов. Этери в «Абесаломе и Этери», Ярославна в «Князе Игоре», Наташа в «Русалке», Лиза в «Пиковой даме», Татьяна в «Евгении Онегине», Тоска,

Татьяна в опере «Евгений Онегин»





После оперы «Аида»: Гертруда Шмальцель - Аида, ее партнеры - Петре Амиранашвили, Давид Андгуладзе, дирижер - Одиссей Димитриади

Аида, Леонора в «Трубадуре», Дездемона в «Отелло»... Ее партнерами были Давид и Нодар Андгуладзе, Петре Амиранашвили, Зураб Анджапаридзе, Бату Кравейшвили, многие русские и зарубежные певцы. Ей довелось петь с великим Иваном Козловским во время его гастролей в Тбилиси в 1950-м в спектакле «Евгений Онегин», где он выступил в роли Ленского, а партию Татьяны исполнила Гертруда Шмальцель.

За время работы в оперном театре певица побывала с гастрольями во многих городах, выступала перед военными в годы Великой Отечественной войны. В 1950 году ей было присвоено звание заслуженной артистки Грузии. В течение многих лет Гертруда Петровна вела плодотворную педагогическую деятельность в 3-м музыкальном училище имени Баланчивадзе, ее уважали и любили и коллеги, и ученики. В служении грузинскому искусству прошла вся ее творческая жизнь. Много раз ее приглашали работать на сценах других стран, но она всегда отказывалась, оставаясь верной любимому городу, а после и могиле дорогого супруга...

Передо мной ее дневники и фотографии. Мне доверяют унести их домой, и я окунаюсь в то время, в тяжелую работу над каждым спектаклем, мысли и

чувства талантливой актрисы и просто женщины. И это высоко и прекрасно. Хочется поделиться с вами некоторыми отрывками, которые поведают о многом.

«Честно говоря, в консерватории пришлось очень сильно потрудиться, т.к. меня приняли без вступительных экзаменов. Я просто подпевала в дуэте подруге, которая поступала в консерваторию. Профессор Вронский Евгений Алексеевич взял у меня адрес и осенью послал своего студента за мной, т.к. занятия уже начались. Так, без знания музыкальной грамоты, начался мой большой путь... Выпуская нас, Вронский сказал: «Мои медные колокола, как жаль расставаться с вами!...»

«Всем сердцем чувствовала, входя в театр на спектакль, что это мой второй, родной дом. Еще под сценой меня встречали музыканты, которые разогревали свои инструменты, и, увидев меня, играли ту мелодию, которую я должна была петь. Рабочие сцены радостно встречали меня, говоря: «Наша барышня пришла». Это добрая атмосфера радовала, и я со всей душой шла на сцену. Окончив спектакль, шла всегда домой пешком. Дорога была длинная. Разбирать все свои действия в проведенном спектакле мне не

мешали ни разговоры проходящих людей, ни шум машин. Я шла одна».

«Большая часть зрителей недопонимает труд артиста. Сколько тратишь энергии и времени, чтобы создать тот или иной образ, хотя бы даже умалишенную. Образ Марии в «Мазепе» дал мне жару. Любить умею, ревновать умею, а быть умалишенной не умею. Репетиции уже идут, и в третьем действии должна быть сумасшедшая. Страх объял меня. Наконец, случайно в трамвае вижу: в углу сидит женщина и что-то мурлычет себе под нос, какой-то странный романс, и все кокетничает, причем одета очень бедно – босая, вся рваная, вокруг головы толстая коса и все смотрит в маленькое зеркальце, не замечая никого. Я насторожилась – это то, что я ищу! И пошла за ней следом, проводила до дому, не пропуская ни одного движения и взгляда. Теперь, зная, где она живет, я подходила к ее дому, чтоб еще и еще ее увидеть. И когда на репетиции дошли до сцены сумасшествия Марии, то образ был готов!»

Этери в опере «Абесалом и Этери»





Наташа в опере «Русалка»

«В театре больше огорчений, чем радости, но когда радости встречаются, то они так приятны. Как-то раз подхожу на рынке к цветам, хочу купить, и вдруг продавец преподносит букет: «Я вас знаю по многим спектаклям в опере и поэтому прошу принять эти цветы». Я, конечно, отказывалась, но уж очень приятно было получить так неожиданно цветы! Я несла их домой так, будто мне приделали крылья! Эти цветы были самым ценным подарком».

«Почти вся моя артистическая жизнь прошла в искании какого-то зерна, чтоб оно воплотило в себе все качества – правильное владение голосом, перелетающим через оркестр к публике, четкая дикция, правильное исполнение замысла спектакля и, наконец, внешность – нужна была форма, молодость! Этот последний пункт был самым трудным для меня. Кушать хочется и денег хватает, но от вкусной еды приходится отказываться. Раз в неделю был, как правило, голодный день. До последних моих дней на сцене я прибавила только 2 кг. Все искания этого зерна не прошли бесследно. Зерно было

найдено, оно в работе украшалось обертонами и превращалось в жемчуг. Вот тогда я чувствовала себя свободно на сцене – никаких препятствий и недовольства собой. Мне кажется, что каждый актер может себя свободно назвать «искателем жемчуга».

«Вы знаете, театр в денежном затруднении, поэтому художественный совет решил вас перевести на пенсию» – неожиданно выстрелили слова директора. Я была на каком-то особенном подъеме после спектакля, возбужденная, лицо воспаленное после грима, а самое главное, муж был сильно болен и лежал в больнице. Все вместе взятое заставило меня закрыть лицо руками и заплакать. И я сказала: «Я согласна». Как Тоска во втором акте дает согласие Скарпиа принадлежать ему. Было больно, хотя смолodu я приучала себя без слез переносить все театральные невзгоды. Для меня устроили прощальный вечер в Доме искусств, говорили много хорошего, но меня это не интересовало, т.к. была правда и неправда. Когда меня попросили подняться на сцену, зазвучала песня из «Абесаломы и Этери» – хор провел меня до кресла на сцене, мои нервы не выдержали. Я, вдруг, представила, что это панихида по мне, и заплакала. В первом ряду сидел муж, только что вышедший из больницы. Потом спела я сама – арию из «Тоски» «Жизнь искусству я посвятила» и Чайковского «Забудь так скоро». Не преувеличивая несколько. Весь зал плакал. Утром я проснулась полноценной пенсионеркой».

«Привыкшая работать, я не находила себе места, но ровно через два месяца начала преподавать в музыкальном училище, где получила класс вокального пения. Теперь я посещаю оперу как простой зритель, даже не задумываясь, что проработала на сцене 25 лет. Работа в училище меня заинтересовала, и моя сценическая боль была заглушена»...

Бывают встречи, которые наполняют светом и беспричинным счастьем, они – как награды судьбы, остаются в тебе навсегда. И бывают места – до-

брые островки, где тебе всегда хорошо, где тебя ждут, слушают, искренне радуются. И где живет история. Если такое случается, то ты – счастливый человек.

– Ты заметила красивый букет? Это мне сын принес. И духи – французские! У меня позавтра пятидесятилетие, а он сегодня уехал, к сожалению... И вот решил порадовать! Знаешь, что он мне подарил? Поездку в Цинандали – с гостиницей, бассейном, рестораном... Он уже все заказал, представляешь, даже торт и фейерверк! У меня никогда такого не было, – тараторит Инга, а в больших медо-



Инга Бендовская, наследница рода Шмальцелей

вых глазах – счастливые слезы и свет.

– Здорово, Инга, как романтично! Я так рада за тебя, поздравляю! Видишь, какой у тебя сын! – Ее искренняя радость тронула меня до глубины души, до мурашек.

– Я так хотела тебе рассказать, ждала, когда ты появишься. Говорят, радостью надо делиться с теми, кто обрадуется вместе с тобой...



«Мэри Поппинс»

«МЭРИ ПОППИНС» В СТИЛЕ ДЖАЗ

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Мэри Поппинс – образ из детства и юности. Няня-волшебница, прилетевшая из сказки британской писательницы Памелы Трэверс, обрела конкретные черты в знаменитой диснеевской экранизации 1964 года, удостоенной пяти «Оскаров» (Поппинс сыграла восходящая звезда Джули Эндрюс). Через два десятилетия зрители СССР увидели Мэри в телевизионном музыкальном фильме Леонида Квинихидзе с чудесными песнями Максима Дунаевского (в образ безупречной няни перевоплотилась Наталья Андрейченко). Непостижимая Мэри Поппинс тревожит и в новейшие времена – в 2018 году она вернулась к зрителям разных возрастов и эстетических пристрастий в американской картине Роба Маршалла: студия Walt Disney представила продолжение мюзикла 1964 года, и здесь главную роль исполнила англичанка Эмили Брант... Не смог проигнорировать бессмертный сюжет о Леди Совершенство и театр имени Грибоедова. Свою версию придумал и осуществил Леван Гвазава – актер, режиссер, певец, музыкант – «по мотивам одноименной книги Памелы Трэверс и по музыкальным композициям Максима Дунаевского», как отмечено в афише. Художник спектакля – Барбарэ Асламази, хореограф – Давид Метревели.

– Авто Варсимашвили предложил мне поставить какой-нибудь мюзикл, – рассказывает Леван. – Ведь я работаю именно в этом жанре и никогда не хотел быть режиссером, к примеру, драматического театра. Я поющий актер, и мне всегда было интересно погружаться в атмосферу мюзикла. Поэтому я приобрел пакет мастер-классов по режиссуре мюзиклов в США. Довольно большой пакет, который я до сих пор прохожу. Учился и учусь тому, как работать в этом жанре – здесь есть своя специфика. Необходимо четко представлять, как вообще все строится в мюзикле, как работают художники, осветители, оркестр. У меня за плечами уже несколько работ в ТЮЗе имени Нодара Думбадзе. Говорят, спектакли получились удачными. Я и сам принимаю в них участие как актер.

– Вы отправились в США именно с целью научиться ставить мюзиклы?

– Да. Пробыл там месяц. Прошел ознакомительный курс. А потом уже в Тбилиси стал заниматься онлайн – мастер-классы мне присылают из Соединенных Штатов. Хотя должен сказать – для полноты картины – я учился на факультете актеров музыкального театра Грузинского института театра и кино имени Шота Руставели у Котэ Сурмава. А позднее окончил факультет



Леван Гвазава в роли Мистера Аддамса

телережиссуры при Грузинском телевидении.

– В чем особенность работы с актерами мюзикла?

– Разумеется, актер должен уметь петь и танцевать. Если в драматическом спектакле он произносит свой монолог, то в мюзикле мысли и чувства выражаются в песне. Есть свои особенности в том, как в вокале ведутся диалоги. То есть очень важно понять, как существует актер в песне.

– Но вот вы пришли в театр Грибоедова и встретились с актерами драматического театра...

– Обычно это сложновато – работать в мюзикле с актерами

Анны Николава. Так что все было распределено! Но я, например, знал, что замечательный актер Гига Какубава – мистер Эй – не сможет петь так, как мне нужно. А вокальные требования к этому образу у меня довольно высокие. Поэтому я записал для этой роли свой голос. Другого выхода не было. Но таких примеров, когда известных актеров озвучивают профессиональные вокалисты, немало. К примеру, Софиико Чиаурели не обладала вокальными данными, и за нее пела Нани Бреговдзе. Одри Хепберн не получила «Оскар» за роль Элизы Дулиттл, потому что ее озвучила певица. В мюзикле

не будет возможности доработать потом, в отличие от драматического спектакля. К примеру, в драматическом театре часто бывает так, что песня звучит как бы отдельно. Актеру драмы нужно учиться петь и играть так, чтобы диалог органично перерастал в песню, а песня – в диалог. В мюзикле есть свои законы, которые необходимо знать и соблюдать. В том же фильме Леонида Квинихидзе песни – не продолжение сюжета, не диалоги, не монологи, а просто вставные номера. Этим и отличаются музыкальные сказки от мюзиклов. Не скрою, перед началом репетиций мне все говорили: «Ты будешь ставить сказку!». А я на это возражал: «Я не ставлю сказку, я ставлю мюзикл. Сказка и так родится, потому что сама история так написана. Никуда от этого не денешься!» Но у меня была задача поставить именно мюзикл.

К сожалению, у нас в стране нет школы мюзикла – такой, что существует на Западе. Оперетта – это другое. Например, «Семейка Аддамс» по пьесе Маршалла Брикмана и Рика Элиса на музыку Эндрю Липпа – это музыкальная комедия, которая в оригинале исполняется как оперетта. А я постарался так поставить этот спектакль, сделать такую аранжировку и оркестровку, чтобы родился джазовый мюзикл, с теми же композициями. Думаю, у меня получилось. К счастью, в Театре юного зрителя есть поющие артисты, которые могут работать в жанре мюзикла. Правда, пришлось поработать год, чтобы добиться результата. В Грибоедовском театре у меня было гораздо меньше времени – мы сделали аранжировку и оркестровку практически за три месяца. Приходится считаться с реалиями – время летит, актеры играют в разных театрах, заняты в разных проектах, снимаются в кино, на телевидении, поэтому их очень трудно собрать. С самого начала работа пошла хорошо, мы понимали друг друга. Главным для меня было, чтобы актеры поняли, как нужно работать в мюзикле. Многие относятся к мюзиклу поверхностно. А вот для меня этот жанр стал откровением. Очень сложно быть правдивым в песне, этому нуж-



«Мэри Поппинс»

драмы. Ты должен понимать, что не все будут петь, и надо искать выход из положения. В отличие от музыкальной сказки, в мюзикле другая вокальная планка. Если артист N поет в каком-то музыкальном спектакле, и партия выстраивается за счет его артистизма, то в мюзикле подобное недопустимо ни в коем случае. Иначе планка падает. Петь нужно в любом случае. В роли Мэри я однозначно видел Нину Кикачеишвили. Она уже сотрудничала со мной в двух проектах. Нина умеет петь. В мюзикле «Семейка Аддамс» мы играем супругов, и все, на мой взгляд, звучит и выглядит прекрасно. Отлично справилась с ролью мисс Эндрю вокально оснащенная Нана Дарчиашвили. Мне были известны и вокальные данные

должны быть на равных и актерские, и вокальные возможности: 50 на 50. Когда я ставил в ТЮЗе «Красавицу и чудовище» Алана Менкена, первую мою работу, то был вторым режиссером. Наш худрук Дима Хвтисиашвили дал мне список поющих актеров из 23 человек. Я оставил только двоих. В Грузии, конечно, поют все, но мне было нужно совсем другое пение.

Приступая к репетициям «Мэри Поппинс», я знал, что речь не может идти о бродвейском мюзикле. Все должно было быть сделано четко, но без претензий. Для этого требовались длительные ежедневные репетиции. Я люблю работать долго и тщательно. В мюзикле это просто необходимо – доводить все до блеска, автоматизма. У актера

но долго учиться, проходить соответствующие курсы, заниматься вокалом, сценической речью. Но, возвращаясь к «Мэри Поппинс», могу сказать, что грибоедовцы в целом справились со своей задачей.

– Значит, вы довольны результатом своей работы?

– Не скажу, что мне не нравится наша «Мэри Поппинс». Но все-таки это не самая лучшая моя работа. На чудо я не надеялся. «Мэри Поппинс» – этапный спектакль, в котором мы сделали больше, чем могли.

– Почему все-таки вы выбрали именно «Мэри Поппинс»?

– Я вырос на песнях Максима Дунаевского и очень люблю его творчество, особенно «Мэри Поппинс». И при этом не переносю оригинал – произведение Памелы Трэверс. Но в мюзикле 70 процентов успеха – музыкальная партитура. Если она есть, если актеры понимают законы жанра, если и художник, и хормейстер тоже в теме, то все получается. Повторюсь: меня очень увлекли песни Дунаевского, и я подумал о том, как аранжировать их по-другому. Чтобы они зазвучали по-бродвейски, в стиле джаз. Это была непростая задача. Жаль, но в Грузии не помнят песен Дунаевского. Когда говоришь: «Мэри Поппинс», вспоминают обычно диснеевский фильм и английские мелодии. Я их тоже очень люблю, но они мне надоели. Потому что дальше этого мы никуда не двигаемся. И я понимал, что для тбилисского русского театра мюзикл «Мэри Поппинс» – просто находка. Тем более что многое должно было прозвучать по-новому. Я сотрудничал с великолепной пианисткой Натией Джикия и замечательным хормейстером Еленой Бежашвили. Сразу нашел концепцию, и за два месяца мы сотворили невероятное – десять песен! Фантастика! Я отказался от «бродвейского» оркестра, сделал камерный ансамбль – секстет, квартет. И мы не проиграли: музыка зазвучала по-другому. Есть в «Мэри Поппинс» замечательная песня Дунаевского «Непогода». Она стала у нас главной темой, лейтмотивом, увертюрой – как угодно! В то же время я подумал, что под популярную песню «Леди Совершенство» героиня может, к примеру, спокойно убирать квартиру. Мэри – «Леди Совершенство» – приводит в порядок комнату, создает для детей идеальное пространство, а потом выходит с ними на прогулку. Она «Леди Совершенство», и поэтому знает, что делает. Затем, когда я справился с аранжировкой,

надо было все песни посадить в правильный контекст, чтобы действие двигало сюжет. Кстати, в этом отношении картина Квинихидзе оставляет желать лучшего: литературный материал драматургически слаб. Я стал думать, как правильно выстроить историю Трэверс. Перечитал книгу, посмотрел все фильмы, которые можно было посмотреть. Получил необходимую информацию и... впал в отчаяние. Не понял, о чем, собственно, произведение британской писательницы? Каждая глава ее книги – словно новое произведение. Части не связаны друг с другом. Мне не хотелось видеть на сцене традиционную Мэри Поппинс. В XXI веке никого не удивишь полетом женщины с зонтиком. Это не главное. И тут я наткнулся на голливудский фильм «Спасти мистера Бэнкса», в котором рассказывается история создания классического художественного фильма Disney «Мэри Поппинс». Том Хенкс играет Уолта Диснея, который двадцать лет добивался контракта с Памелой Трэверс, чтобы снять свою картину! И вдруг я начал понимать, о чем книга Памелы Трэверс. Это история самой писательницы и ее отца. Он спился и умер, не справившись со своими проблемами. Для меня было важно показать, что Мэри Поппинс появляется в доме Бэнксов не только из-за детей, но и для того, чтобы решить проблему с мистером Бэнксом. Дети вовсе не такие шалуны, просто отец слишком к ним суров. А почему? Да потому что его няней была жесткая мисс Эндрю. В итоге сама Мэри Поппинс у меня отошла чуть ли не на второй план, а на передний план выдвинулась тема мистера Бэнкса, его жены, семьи.

Вторая задумка состояла в следующем: у каждого персонажа нашей истории была в детстве Мэри Поппинс. Просто они забыли об этом, потому что выросли. Забыли, что такое детство, потому что слишком увлечены материально-финансовой стороной жизни. Мораль нашего спектакля в том, что какие-то вещи человек не должен забывать. Детство – самая чистая пора нашего бытия, нечто святое. Так в спектакле прозвучал последний монолог мистера Бэнкса. В оригинале

«Семейка Аддамс»





«Рождественская сказка»

его нет, как и многого другого, что есть в нашем представлении. Другое дело, что не все нам удалось довести до художественного совершенства. И все-таки линию Бэнкса я стремился довести до конца. В финале семья воссоединилась, а Мэри Поппинс улетела, выполнив свою миссию. Ведь не только в семье Бэнксов были проблемы – у всех, кто жил на Вишневой улице, были свои нелады в жизни: и у адмирала Бума, и у мисс Ларк, и у других.

– Когда вообще у вас возник интерес к мюзиклу?

– всю жизнь пою. Я профессиональный певец, но в нашей стране это никому не надо. У нас поет какая-то часть вокалистов, которых показывает телевидение. И все. Даже если ты выпустил несколько песен или целый альбом, никому это не интересно. В Грузии слишком маленький рынок, а осваивать внешний – очень непросто. А в театре я работаю очень давно – уже 28 лет, с самого детства. Мой отец – актер, начинал в музкомедии, потом играл в грузинском и русском Театре юного зрителя. А я учился и работал в ТЮЗе. Затем в течение трех лет «проходил университеты» у Резо Габриадзе. Вот это была школа! Габриадзе был человек

непростой, из-за чего я и сбежал от него в конце концов, но если я что-то и знаю в своей профессии, то благодаря Резо Габриадзе. Очень жаль, что по молодости я тогда каких-то вещей не понимал. Я был у Габриадзе актером-кукловодом, сам мастерил куклы, занимался озвучанием. И стал понимать, что такое театр вообще. Думаю, в институте такому не научишься. Даже если бы я работал у Резо не три года, а два месяца, то все равно узнал бы больше, чем за годы учебы в театральном вузе. Резо Габриадзе был гением, и я старался вникать во все нюансы, детали его творчества. Когда находишься рядом с таким человеком, то на многое смотришь другими глазами.

– Но ведь сфера Габриадзе не имеет отношения к мюзиклу.

– Не имеет, если не учитывать, что обретенные навыки ты можешь потом соединить и применить в большом театре. Я вернулся в русский ТЮЗ, где Гия Кития ставил свои мюзиклы. Я восстанавливал «Бременские музыканты» – тоже своего рода мюзикл. У Гии я играл в целом ряде спектаклей, от него тоже многому научился. Знаете, если ты 28 лет работаешь в театре, то что-то начинаешь понимать в профессии...

– Вы не думали преподавать, готовить кадры для мюзикла?

– У меня нет пока столько знаний, чтобы преподавать. Но, думаю, у меня уже достаточно знаний, чтобы правильно поставить мюзикл. Педагогика – это все-таки что-то другое. Я режиссер, который готов работать с профессиональными актерами, но я не буду растить, воспитывать кадры. Научу вокалу, тому, как правильно работать во время сцены, но не смогу учить актерскому мастерству. Для этого существуют другие специалисты.

– Вы универсал. Но ведь когда много дано, трудно найти и не потерять себя.

– Будучи невостребованным певцом, я и начал искать себя в другом. Занялся переводами текстов музыкальных произведений. Так появился спектакль «Красавица и чудовище», и я осознал, что могу заниматься мюзиклом правильно. Это было сравнительно недавно – в 2017 году. С тех пор каждый год выпускаю по мюзиклу. Иногда в шутку говорю, что ставлю мюзиклы для того, чтобы принимать в них участие как артист. Иначе мне это неинтересно.

– Значит, вы не готовы отказаться от актерства и полностью по-



«Мэри Поппинс». Поклон

святив себя режиссуре?

– Придет, возможно, время, когда я не буду выходить на сцену в качестве актера – если для меня не будет такой роли, где я смогу петь и танцевать.

– Но пока вы не наигрались?

– Я никогда не выбираю то, что не мое по определению. Не буду выходить на сцену только ради того, чтобы выступить в главной роли. В мюзикле «Красавица и чудовище» я играл Люмьера, потому что это было мое. В «Семейке Адамс» я – Адамс, и тоже на своем месте... Увы, сыграть в «Мэри Поппинс» не получилось, потому что был занят в ТЮЗе. Но, если бы играл, то моим героем был бы мистер Эй. А вообще я действительно почувствовал, что пение для меня уже не самое главное. Важнее – режиссура. Думаю, что в ближайшие двадцать лет буду заниматься мюзиклом. Сравнительно недавно я создал Детский музыкальный театр. Не люблю драмкружки и детские студии. Это не для меня. Но Детский музыкальный театр – другое.

– Как же возник ваш театр?

– Когда я приступил к работе над «Мэри Поппинс», мне пришлось остановить проект в ТЮЗе: бродвейский мюзикл «Матильда» композитора Тима Минчи-

на по одноименному роману британского писателя Роальда Даля. Сейчас я его ставлю – там занято 16 детей. Я их набрал по кастингу, занимался с ними два года. С моими маленькими артистами я прошел все, что можно было пройти. Они играли в моем последнем спектакле «Рождественская песня» Диккенса. Я собрал партитуру по популярным рождественским песням разных стран. Думаю, дети сумели сделать больше, чем взрослые актеры. Я стал чувствовать, что понимаю язык детей, у меня есть к ним подход, я знаю, как их записывать. И постепенно мы пришли к «Матильде». Премьера запланирована в мае.

– Вы фанат мюзикла!

– Да, но не люблю, когда в мюзикле слишком много музыки, и он перерастает в оперетту. Я люблю, когда есть и хорошая актерская работа, и качественная музыка. Так сложилось, что возникло мое, особое, представление о мюзикле. Для меня мюзикл не совсем такой, что ставят даже на Бродвее. «Матильда» в оригинале идет три с половиной часа. Я ни за что не буду сидеть на спектакле столько времени. Все должно быть мобильнее, информативнее и драматургически четче. Хотя на Бродвее

есть великолепно построенные мюзиклы. Классно поют, танцуют, эффектная декорация. Но ты устаешь от этого зрелища, потому что все упирается в песни, танцы – и все. А драматическая часть уходит в тень.

– Вы энергичный человек с искрящимся, радостным творческим даром.

– Что ж, очень хорошо, если произвожу такое впечатление. Вообще же я человек скорее меланхолического склада. Самокритичный. Легко впадаю в депрессию. Я хочу максимума! Но если не получаю, это не значит, что я недоволен. Просто держу перед собой высокую планку, высокий ориентир. На чудо никогда не надеюсь. Хотя знаю, что оно иногда происходит, если ты стремишься к максимуму. Мне говорили в театре Грибоедова: «Мы ждем от вас чуда!», а я отвечал: «Не ждите!» Потому что есть какая-то объективная данность. Но у нас возникли замечательные отношения с актерами, я их полюбил, и они ответили мне взаимностью. Что-то получилось, что-то – нет. И у них, и у меня. Это первая моя работа в Грибоедовском театре, и я надеюсь, что у нас все еще впереди.



ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, ЭТО ДИАГНОЗ

«Сколько усилий, сколько скрытой работы заключается в искусстве актера, с виду столь доступном и легком...», – писал Альфонс Доде.

Анна Николава – актриса и заведующая труппой театра имени А. Грибоедова, автор сценариев и текстов песен ко многим детским спектаклям, обладательница премии имени Верико Анджапаридзе за роль в спектакле «А.Л.Ж.И.Р.», премии «Золотой зонт» за лучшую женскую роль в проекте «Солнечный удар» (телекомпания «Мзе»).

Перед нами миниатюрная молодая женщина, мама чудесной дочери Николь. Поклонница творчества Федерико Феллини, Ларса фон Триера, Квентина Тарантино, Тима Бертона. Ее любимые авторы – Уильям Шекспир, Антон Чехов, Теннесси Уильямс.

Стать актрисой не было решением – сколько себя помнит, Анна знала, что будет актрисой, и больше никем.

– В моем детстве были абонементы на детские спектакли. Помню случай: у меня температура сорок, меня, естественно, никуда не ведут, я плачу, и мне уступают – все-таки отводят на спектакль. В театре после представления меня приглашают на сцену. И... мы приезжаем домой, а температуры нет.

Дядя Анны – известный кинорежиссер Самвел Гаспаров, в его творческой кухне она «варилась» с самого детства и знала ее изнутри. Но в семье изначально не поддерживали Анну в ее намерении поступать в театральный. И она становится студенткой журфака Тбилисского государственного университета им. Ивана Джавахишвили. Четыре года, проезжая мимо театрального вуза в университет, Анна думала о том, что ее место здесь.

И хотя журналистика была вынужденной временной посадкой, Анна плодотворно провела это время: была членом университетской команды КВН, принимала активное участие в студенческих днях...

После окончания ТГУ Анна все-таки поступает в университет театра и кино имени Шота Руставели. На вступительных экзаменах она произносит фразу: «У меня не получается играть в жизни, но у каждого есть потребность в игре».

Первый выход на сцене Грибоедовского театра – в студенческой постановке Элизбара Кухалеишвили, педагога по сценической речи, по повести Бориса Изюмского. Анна – в роли Нины Чавчавадзе. Это было очень символично – сыграть жену Грибоедова в Грибоедовском театре.

За годы своего служения в театре Анна сыграла множество больших и маленьких ролей, работала с разными интересными режиссерами, стала заведующей труппой.

– Я люблю театр. Как говорят мои родные, это не профессия, это диагноз. И для меня важно, чтобы в моем театре было комфортно и уютно, и я делаю для этого все, что в моих силах.

В детстве на вопрос маленькой Анны, что есть бог, мама ей ответила: «Бог – твоя совесть и судьба».

– И по сей день я стараюсь быть честной сама с собой, никогда не врать себе. Как бы жизнь ни была несправедлива, добро всегда побеждает, я в это верю.

А еще Анна с мамой придумывали сказки.

– Исходя из каждой ситуации, у меня в голове складывается сказочная, добрая история, к которой я стремлюсь. И переносить ее на бумагу – это большое удовольствие. Может, если человек будет писать о добре, оно станет более актуальным в наше время.

Мы поздравляем Анну с днем рождения и от всего сердца желаем осуществления всех задуманных планов, творческих успехов, радости и счастья!



ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Наташа, Наталия, Натали, Наталя...

Киевлянка Наталия Воронюк приехала в Тбилиси в 2014 году, была принята в труппу Грибоедовского театра и буквально с первых дней стала своей. Не только потому, что доброжелательна и общительна, хотя и это – замечательное свойство ее характера. Просто коллеги-грибоедовцы сразу оценили серьезную актерскую школу Наталии. Отдали дань таланту и обаянию молодой актрисы и зрители.

Школа у Наташи действительно отличная: в 2011 году окончила Киевский национальный театральный университет театра, кино и телевидения имени И. Карпенко-Карого (курс Богдана Ступки), работала в Киевском украинском драматическом театре имени И. Франко и Киевском Молодом театре.

Ярко раскрылось дарование актрисы на подмостках Грибоедовского театра, где режиссерами ей были доверены сложнейшие роли.

Одна из них – самоотверженная Людмила из спектакля Нугзара Лордкипанидзе «Поздняя любовь» А. Островского. «В роли Людмилы, как мне кажется, Нугзару Лордкипанидзе удалось максимально раскрыть во мне нежность, преданность, теплоту, идущую от женского сердца, внутреннюю поэзию, – рассказывала Наталия Воронюк. – При этом в Людмиле есть невероятная сила, сила любви и веры в любимого человека. Веры в свою интуицию. Надеюсь, что если я нашла «ключик» к образу Людмилы, то он именно в смирении и служении во имя любви!»

Наполнена сильными чувствами и героиня Наталии в спектакле «Аллеи любви» по новеллам Бунина. Нежными, акварельными красками актриса создает портрет Руси, Марьи Николаевны. Режиссер Авто Варсимашвили объединил этим персонажем два рассказа – «Руся» и «Визитные карточки». В первом Руся – восторженная, немного эксцентричная девица, мечтающая о большой любви, но возможное счастье разрушает деспотичная мать. А во втором, уже став Марьей Николаевной, она предстает пусть и разочаровавшейся, но все еще идеалисткой, по-прежнему греющейся о прекрасном чувстве как о чуде. И опять терпит фиаско

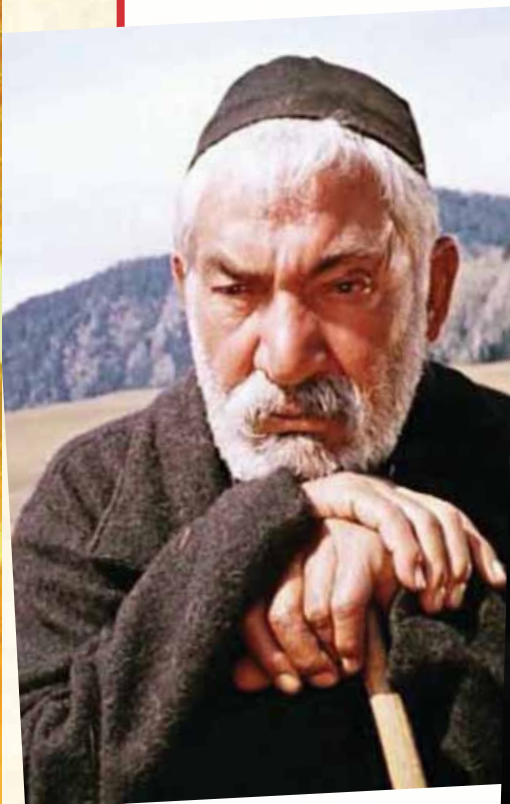
– в этот раз ее любовь остается без взаимности и разбивается о цинизм и равнодушие. Актриса играет пронзительно, остро, и зрители глубоко переживают вместе с Русей-Марьей Николаевной крах ее иллюзий, ощущают трепет израненной души.

Образ совершенно иного плана воплотила актриса в документальной драме «А.Л.Ж.И.Р.» (автор литературного материала и режиссер А. Варсимашвили), сыграв одну из узниц Акмолинского лагеря жен изменников Родины. За эту роль – вместе с другими участницами спектакля – Наталия была отмечена почетным призом имени Верико Анджапаридзе Театрального общества Грузии.

Даже в небольших ролях Наташа умеет найти интересные штрихи, детали и при этом ощутить целостность образа. Так, в спектакле «Записки сумасшедшего» в постановке Гоги Маргвелашвили героиня Воронюк – «железная леди»: то ли медсестра в дурилке, то ли надсмотрщица в тюрьме, эдакая капо. Этот персонаж чем-то напоминает сестру Рэтчэд из романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Худошавая, с прямой, негнушейся спиной, она пристально вглядывается в лицо своей жертвы – Поприщина, жестко контролируя каждый его шаг.

Запомнилась еще одна работа Наташи – помощница Вассы Железновой Анна (пьесу Горького поставил украинский режиссер Стас Моисеев). Хитрая, изворотливая и очень опасная, своими повадками она напоминает гиену. Служа верой и правдой своей госпоже, она занимает выжидательную позицию – чтобы при случае нанести хозяйке удар и пожить. Когда умирает Васса, она первым делом крадет у нее ключи и, даже не задумываясь, снимает с пальца покойницы кольцо...

Нет сомнений в том, что Наталия еще не раз удивит нас своими сценическими созданиями. А мы будем этого с нетерпением ждать. Желаем актрисе новых интересных предложений, новых открытий и много-много любви! С днем рождения!



«Мимино»



«Неуловимый Ян»



«Встреча в горах»

ПУТЬ АКТЕРА

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Те, кто хоть раз видел Котэ Даушвили на киноэкране, вряд ли его забудет. Могучий характер, пронзительный взгляд и – большое сердце, которое вмещает добро и боль всей земли. Многие зрители верили, что в реальной жизни Даушвили был похож на своих героев: добрых, сильных, честных. И это абсолютная правда.

19 марта исполняется 115 лет со дня рождения выдающегося грузинского актера театра и кино Котэ Даушвили. Это имя занимает особое место в истории грузинского театра и кино. «Древо желаний», «Дети моря», «Хевсурская баллада», «Встреча в горах» – вот неполный список фильмов, в которых снимался актер. Кстати, сам он никогда не смотрел фильмы со своим участием – не любил видеть себя на экране. При этом, шутка сказать, Даушвили начал сниматься в кино аж с 1931 года. То есть этот актер буквально стоял у истоков грузинского кинематографа.

Котэ (Константин) Даушвили родился в 1909 году в Баку. С детства проявлял интерес к искусству и увлекался рисованием вместе со своей сестрой. Но если сестра в итоге выбрала профессию художника, то Котэ стал актером.

Впервые он попробовал себя в этом амплуа в школе, где посещал актерский драмкружок. Когда ему исполнилось 18 лет, юношу уже приглашали в различные спектакли, и везде, во всех ролях, больших или маленьких, он играл с одинаковым удовольствием.

Театром, где состоялось его актерское крещение, стал Гру-

зинский театр Красной Армии. Он не просто провел там незабываемые три года, но и приобрел огромный опыт. Даушвили учился у режиссера Шота Манагадзе, который и был руководителем театра Красной Армии.

В 22-летнем возрасте молодой актер попал в театр Марджанишвили. Ведущий артист театра, знаменитый Ушанги Чхеидзе заболел, и его пришлось заменять сразу в нескольких спектаклях. В числе дублеров оказался и Котэ Даушвили, который был приглашен в состав труппы лично режиссером Котэ Марджаниш-



«Баши-Ачук»

«Грузия-фильм» режиссером Лео Эсакия по одноименной повести Акакия Церетели. Знаменательными стали роли Даушвили в картинах «Отарова вдова» и «Иные нынче времена» Михаила Чиаурели, «Алавердоба» Георгия Шенгелая, «Дети моря» Константина Пипинашвили, «Хевсурская баллада» Шота Манагадзе, «Встреча в горах» Николоза Санишвили.

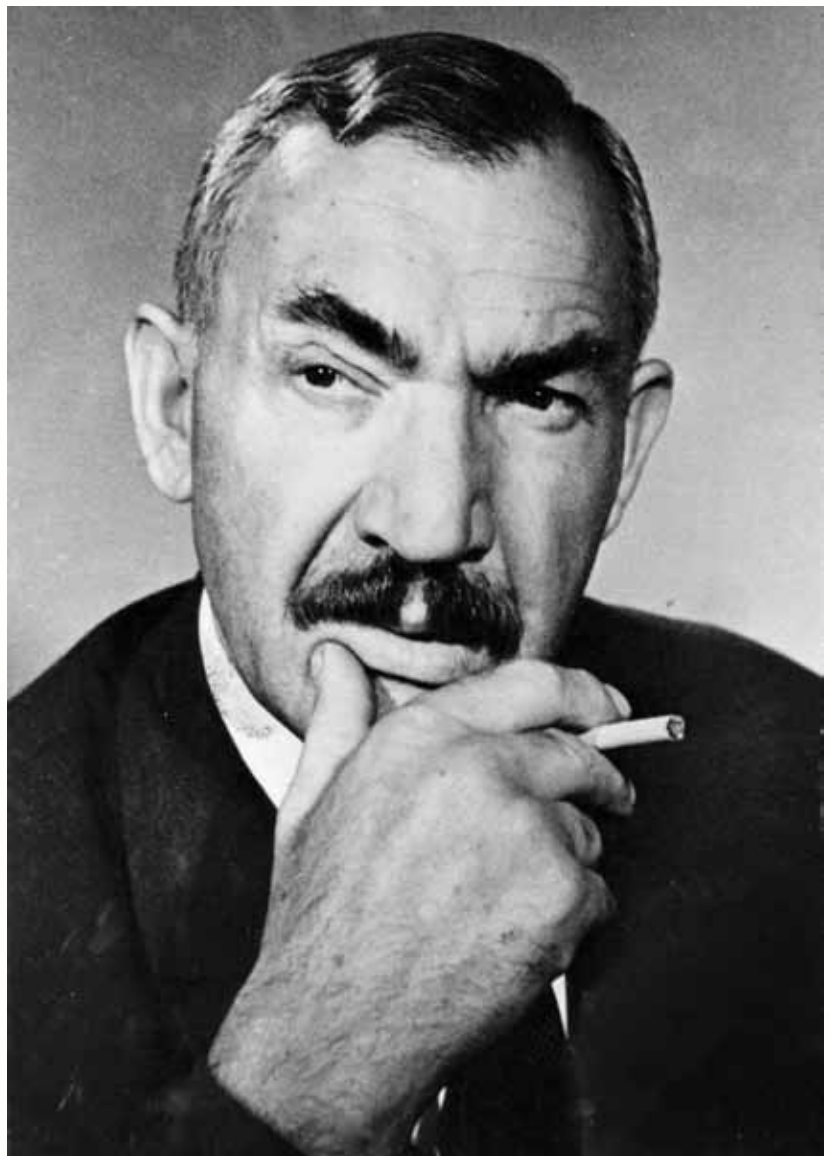
Одной из лучших работ Котэ Даушвили критики единогласно называют роль старейшины Цицикоре в культовой картине Тенгиза Абуладзе «Древо желания». Персонаж Даушвили горячо отстаивает традиции своего народа. Коллегами артиста по фильму стали Лика Кавжарадзе, Сосо Джачвлиани, Софико Чиаурели, Отар

вили и проработал на сцене этого театра несколько лет.

На театральных подмостках Даушвили исполнил десятки ролей. Среди них Кнуров («Бесприданница» А. Островского), Гижуа («Иные нынче времена» А. Цагарели), Гела («Священник» А. Казбеги), Джибило («Свадьба колхозника» П. Какабадзе), Беглар («Как» К. Каладзе), Квеженадзе («В самое сердце» Ш. Дадиани) и др.

А вскоре в жизнь Котэ Даушвили вошло кино. Это были 30-е годы прошлого века – заря грузинского кинематографа. Дебютировал Котэ Даушвили в фильме режиссера Николая Санишвили «Пустыня». За ним последовали работы в фильмах «Последние крестоносцы» Сико Долидзе, «Мрачная долина» Нуцы Гогоберидзе, «Скала Аршаула» Давида Рондели, «За рекой» Закария Беришвили, «Родина» Николая Шенгелая.

В 1938 году Котэ воплотил один из первых запоминающихся образов – кабардинца Умара в картине Льва Арнштама «Друзья». А вскоре замечательно сыграл роль священника Трифилия в историческом фильме Михаила Чиаурели «Георгий Саакадзе». В 1956 году Даушвили снимается в приключенческой мелодраме «Баши-Ачук», снятой на киностудии





«Древо желания»

Мегвинетухуцеси и Кахи Кавсадзе.

Удивительно, но многие зрители знают и помнят актера по двум изумительным эпизодическим ролям в фильмах Георгия Данелия: в «Не горюй!» он сыграл отца Гермогена, а в «Мимино» – дедушку главного героя, летчика Валико Мизандари. Впрочем, можно ли назвать эти роли эпизодическими, если Даушвили удалось за несколько минут экранного времени показать и характер, и судьбу своих героев?

Коллеги-артисты поражались, как точно Котэ Даушвили умел входить в образ. Однажды, когда в Сванети снимали фильм «За рекой», Котэ, в гриме и костюме своего персонажа, поехал прокатиться верхом. И вдруг кто-то выскочил из кустов на дорогу и грозно крикнул: «Стой, а то пристрелю!» Оказалось, это был местный житель, который спутал Даушвили со своим заклятым врагом...

Многогранно талантливым, харизматичным и душевным Котэ Даушвили был не только на экране, но и в жизни. Актер Тенгиз Арчвадзе вспоминал: «Когда мы снимали фильмы «Хевсурская баллада» и «Встреча в горах», никто не мог отличить Котэ от хевсуров. Он облачался в их одежду, ловко запрыгивал на коня, ласково называл нас всех «мамука», по-хевсурски, по-отечески. И мы, те, кто были младше него, тоже относились к нему почти-

тельно и с любовью. Однако, несмотря на высокий рост и стать, у него было мягкое сердце. По малейшему поводу на его глаза наворачивались слезы».

Даушвили прекрасно готовил национальные грузинские блюда и очень любил угощать коллег по съемкам. «Котэ потирал руки и за короткое время готовил для нас такое блюдо, которому позавидовал бы любой отличный повар, – вспоминал Арчвадзе. – Мы как-то были на съемках в горах, и Котэ сообщил, что едут гости из Тбилиси и надо, мол, подготовиться. К нам и правда приехали Бидзина Квернадзе и Петре Грузинский. Котэ велел мне достать вино, а сам приготовил для всех великолепную чобан-каурму из свежей баранины. Кстати, именно у него я и научился готовить это блюдо».

Друзья и коллеги вспоминали, что наряду с чистосердечностью, почти детской наивностью и доверчивостью, Котэ обладал примечательным качеством – ему был неведом страх. В молодости он часто ввязывался в драки. Во время одной из них ему глубоко рассекли бровь. Этот шрам стал отличительной приметой актера. Ну, а юношеское бесстрашие пригодилось в кино – самые сложные трюки Даушвили всегда выполнял сам.

А еще Котэ любил и умел дружить. Грузинские традиции, особенно гостеприимство, были для Даушвили не просто словами. В подвальном поме-

щении своего дома, он устроил марани, куда часто приглашал своих друзей. Актер сам делал вино, чачу, коньяк. Там же, в марани, у Даушвили имелся специальный колокольчик: когда он в него звонил, супруга или дети приносили гостям отменную закуску.

Друзья вспоминали, что Котэ был счастлив, когда приносил радость другим. Он любил отдавать и никогда не просил ничего взамен. Да у него и так все было: любовь семьи и друзей, востребованность в профессии, признание поклонников. И, конечно, сыновья, в которых он души не чаял, – Джангири, от первого брака с



«Не горюй!»

Кетеван Тактакишвили, и Гиви, родившийся во втором браке с Кетеван Кетиладзе.

После смерти своей второй супруги Котэ сильно страдал и заметно сдал. Потом попал в аварию, сломал ногу, долго лечился. От хромоты избавиться не удалось. Котэ старался не падать духом, продолжал работать.

Свою последнюю роль Даушвили сыграл в драме режиссеров Гиги Лордкипанидзе и Гиули Чохонелидзе «Земля отцов наших», посвященной событиям Великой Отечественной войны. Премьера состоялась в 1981 году, уже после смерти актера.

Прошло уже почти полвека, как Котэ Даушвили ушел из жизни. Но забыть его героев невозможно – они по-прежнему заставляют задуматься, дарят любовь, вселяют надежду и прославляют настоящее искусство.



ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

■ Додо ХУРЦИЛАВА

На титульном листе пьесы Александра Потемкина «Игрок» категорически утверждается, что она не имеет ничего общего с романом Достоевского. Так и есть. Но эта пьеса тоже самым тесным образом связана с игрой. Более того, все ее герои поглощены игрой, одержимы ею. И автора чрезвычайно беспокоят недуги, которыми поражена та часть света, где идет действие. Именно «идет» — ведь все события происходят в поезде, экспрессе «Ростов — Москва». Правда, потом направление то и дело меняется, все запутывается, и воцаряется хаос, срежиссированный кем-то незримым ради наживы. Подобный разброд — один из характерных признаков фантазмагии, каковой жанр и обозначен в подзаголовке пьесы. Впрочем, это все-таки не первостепенно, поскольку автора, вслед за Достоевским, интересует кризис природы человека, помешанного на игре, поработанного всепоглощающей страстью азарта. Вот в чем проблема. Мир превратился в игру. Кто-то играет в казино, кто-то — с огнем, кто-то — мускулами, но, в отличие от обычной, в этой фантазмагии люди играют в жизнь — своими и чужими судьбами, на деньги и ради денег, да и просто ради азарта. Но затем азарт их затягивает настолько, что они уже не замечают, как злой рок играет с их жизнью, ставшей фантазмагорией. Весь мир пре-

вратился в игровую арену.

К числу проблем, которые крайне волнуют драматурга, относятся и проблемы социально-нравственного характера: алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество, совершенно необоснованный снобизм. На трех десятках страниц своей пьесы Александр Потемкин сумел коснуться каждого из этих недугов, уходящих корнями не только в человеческую природу, но и в общество в целом. И не просто коснуться — но дать их рельефное сатирико-реалистическое отображение.

Еще один, в высшей степени важный вопрос, который ставит автор пьесы, заключается в том, что в экспрессе «Ростов — Москва» (а этот экспресс, как легко понять, метафора нашей жизни) ничего не меняется. Некоторые эпизоды несложно представить на страницах произведений Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Все продается и все покупается — люди, вещи, обстоятельства, события. Оказывается возможным изменить направление поезда, общества и политики. И все это — посредством одного звонка. Некоторым пассажирам (читателям, зрителям) кажется, что они ни при чем, что в игру втянуты только другие. Но они ошибаются. Неистовая игра мало-помалу охватывает весь мир...

Все эти проблемы нашли свое отражение в спектакле «Букмекер-экспресс», поставленном Андрю Енукидзе по пьесе Александра Потемкина в Театре име-

ни Грибоедова. Режиссер даже усадил зрителей не в зале, а прямо на сцене, тем самым подчеркнув, что мы тоже являемся полноправными участниками сумасшедшей игры. И, может быть, стоит об этом задуматься?

Основная часть сценической декорации (художник Тео Кухианидзе) — это поезд, у которого нет электровоза. Он состоит из одного вагона. Вагон представляет собой футуристическое, фантазмагорическое полукружье. Он не сможет никуда поехать еще и потому, что движется по кругу. А перед этим вагоном находимся мы, зрители, тоже рассажённые полукругом, и таким образом создается единая сфера — искусственный мир. Но он никак не связан со всем известной и несколько устаревшей формулой: «Весь мир — театр». Вспоминается, скорее, другая фраза — «Что наша жизнь? Игра!». Однако это происходит уже в конце спектакля и еще более обостряет наше ощущение тщеты, бессмысленности жизни, обращенной в игру. И тут же — слово «экспресс». Как известно, в случае с поездами оно означает скоростной состав, который останавливается только в крупных городах. А наш экспресс где только не останавливается, и кто только не руководит его маршрутом! Тем временем жизнь, без всяких правил (игра без правил), знай себе течет.

Стержнем и пьесы, и спектакля является главный игрок — Юрий Алтынов. Эту роль ярко исполняет Арчил Бараташвили. Драматург характеризует его как «беспечного авантюриста и маниакального игрока». Однако этой характеристики недостаточно. Алтынов еще и немного философ, и специалист по пороку сердца. Он погружен в «Размышления» Марка Аврелия, но выносит из них только те заключения, которые ему на пользу. Пороки — это то, с чем мы нередко сталкиваемся, и Алтынов тоже довольно часто видит их в себе, но, вместо мук совести, они вызывают у него неопишемое воодушевление. Более того — дают ему возможность по-новому блистать своими «талантами». То, что он — специалист именно по сердечным порокам (или порочности), весьма примечательно. По выражению одного великого врача, сердце, в отличие от всех остальных органов, и есть человек. И Алтынов очень хорошо разбирается в природе человека, его пороках и отлично пользует-

ся этим «знанием». Разумеется, разбирается, ведь сколько существует белый свет, столько существуют и такие Алтыновы – везде и во все времена. Неслучайно его в одну секунду разгадывает проводница поезда по фамилии Погоня. Таких «погонь» в мире тоже полным-полно. Они не меняются, поскольку не наделены даром стремления к большему. Потому-то они во всем винят судьбу и живут себе играючи. Чем Погоня занималась раньше, нам неведомо, а сейчас она выступает в роли эдакой гламурной проводницы. Она забавно, бесхитростно и жалко кокетничает – актриса Инна Воробьева подчеркнута демонстрирует, до какой степени не соответствуют ее так называемым дефиле ни длинная коса, ни одежда. Ну и что с того, что она пребывает в вечном ожидании чего-то «такого»? Социалистический режим приказал долго жить, и состав, бегущий по кругу, находится в режиме «реконструкции» капитализма. Но хамство, невоспитанность, непотребство «советского разлива» время от времени проскальзывают в поведении Погони.

А вот Алтынов очевидно вырос, повзрослел. Он стал снобом. Не хватало еще, чтобы он путешествовал в одном купе вместе с каким-нибудь любителем дешевой колбасы! Какие они все-таки удивительные, эти игроки крупного калибра! Сами-то ничего не гнушаются, а вот чужая вонючая колбаса, копеечные часы, одежда или машина им не по нраву.

И нам ясно, что поездным шулерам Алтынова не одолеть. Потому он хорошенько и вправит мозги двум мелким мошенникам – сперва обчистит, а затем их, вооруженных игрушечными пистолетами, и одурчит. Еще бы, ничтожные жулики собрались перехитрить мошенника такого калибра, как Алтынов! Да куда им! А у того планы космического масштаба: он хочет купить счастье, хотя бы на сто дней, купить себе женщину, со всей ее плотью и душой, и разом сорвать громадный куш. Между прочим, он сможет осуществить все эти три желания.

Для стодневного счастья он выбирает Юлию Боярову. Девушка едет в одном купе с Алтыновым и случайно, скажем так, по принципу лотереи, ей выпадает такой жребий. Может, это был и счастливый для нее выигрыш. В исполнении Хатии Бераушвили Юлия – жертва, попавшая в жи-

ненные тиски. По сюжету она, вместе со своей приятельницей Эстер Дюкро, которую играет Наталия Воронюк, играет с судьбой. Ни у одной из них нет другого выхода: женщина может начать работать где угодно, но в этой стране всегда в первую очередь будут оценивать не ее профессиональные навыки, а уступчивость характера и отсутствие моральных принципов. Так происходит и в бизнесе, и на государственной службе, и в науке, и в искусстве. Как сказал поэт, «Ты будь хоть распят, но спасения нет». Круг замкнулся. Остается безумная мечта о прекрасном принце на белом коне, и, как это ни смешно, таким принцем для Юлии становится Алтынов. Кто знает, будет ли она счастливой на протяжении ста дней, но хотя бы – чуть-чуть защищенной.

А Дюкро, напоминающая своей пластикой Кикимору, один из самых страшных персонажей русских сказок, совершает какой-то мистический ритуал, надеясь, что Юлия передумает выходить из дела. Однако – тщетно. Алтынов дает себе право быть сентиментальным и выкупает Юлию у ее хозяина, наркомафиози. Да вы только попробуйте устоять перед его обаянием настоящего принца! Такое с ней впервые – Юлии, перед тем, как уложить в постель, предлагают не уголовное дело, а замужество. Она ведь не знает, что венчание будет фальшивым, потому что священник – пьянчужка, провинциальный актер Алексей Пирожков (прекрасная работа Олега Мчедлишвили). Да и как исполнитель он оказывается никудышным – в решающий момент напивается до беспамятства и превращает венчание в балаган. Впрочем, какое значение это имеет для Юлии? Она пойдет на любой риск, лишь бы вырвать у судьбы заветные сто дней беззаботной и безопасной жизни – ведь женщины ее круга не могут просчитать даже того, что с ними будет через десять дней.

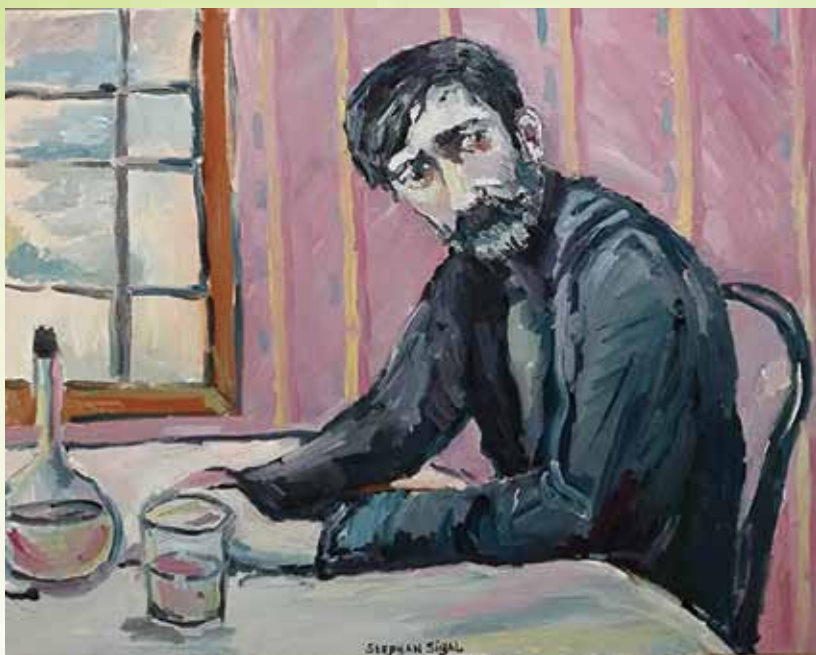
Параллельно наш принц находится в поисках большого куша. Для этого ему требуется задействовать всех пассажиров экспресса. Чем он может их соблазнить? Все жаждут игры и, ослепленные шансом получить легкую наживу, попадают в паутину, искусно сплетенную Алтыновым. Вскоре маршрут поезда окончательно запутывается, и уже никто не знает ни пути следования, ни правил самой игры. Но один человек знает все – Алтынов. Для

осуществления сложной партии ему требуется красивая женщина, и такая находится – Яна Врубельская, очередная аферистка, которая обслуживает мужчин, подобных Алтынову, причем не в первый раз, поскольку находится в «резерве» у Погони. Мариам Кития играет роковую женщину с «тонкой душевной организацией». Когда-то она принимала участие в конкурсе красоты в каком-то богом забытом городишке. И даже победила. Но выбор перспектив невелик – состоять «почетным членом» эскорт-кортежа какого-нибудь бизнесмена не самого высокого ранга и по первому требованию оказывать ему сексуальные услуги. Яна изображает даму из высшего света, пресыщенную бриллиантами, яхтами, Ниццами, лимузинами и очень состоятельными поклонниками. В случае необходимости она сыграет и музыкантшу, и поэтессу. Обещанные Алтыновым 1000 долларов – для нее целое состояние. И чтобы искушить такую женщину и вовлечь ее в аферу, не требуется участие ни Мефистофеля, ни какого-нибудь другого князя тьмы. Достаточно и Алтынова. Да и Фаустов здесь не много – бизнесмены средней руки, шулеры, дамы полусвета и бомонда, беременные и бездетные, трезвые и пьяные... Кто только не впутывается в фантастический розыгрыш!

Но определить точный путь следования – невозможно, поскольку никто не в силах понять логику движения. Правда, время от времени по громкой связи объявляют название того или иного города, но где гарантия, что поезд будет следовать именно в этом направлении? Может, кто-то просто так объявляет все новые и новые маршруты? Тем более что поезд идет по кругу!

И наконец... Одна из сентенций Марка Аврелия, любимого философа главного героя, гласит: «Несправедливость не всегда связана с каким-нибудь действием: часто она состоит именно в бездействии». Перефразируя, можно сказать, что своим бездействием мы способствуем превращению жизни в игру. Конечно, можно уверить себя, что мы всего лишь зрители, правда? А если мы не просто зрители, а игроки? И хорошо, если сами устанавливаем правила игры.

Задумаемся над этим.



Стефан Сигал. Портрет Пиросмани

ПИРОСМАНИ О СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

Ирина ДЗУЦОВА

«Заветная черная клеенчатая тетрадь» – дневник встреч Ильи Михайловича Зданевича с Нико Пиросмани в 1913 году. Впервые он был опубликован в 2013 году в моей книге «Пиросмани. Пиросмани...». Мне удалось обнаружить его в 1989 году в Париже, в личном архиве И. Зданевича, бережно хранимом его вдовой Элен Дуар. Считавшийся на протяжении многих десятилетий утерянным, этот бесценный дневник, первый документальный источник о жизни и творчестве Пиросмани, ныне хранится в Государственном музее искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили.

Прошло более века, а пожелтевшие страницы по-прежнему являются для внимательного читателя кладезем информации о грузинском художнике. Девятнадцатилетний Илья Зданевич сохранил в своих записях речь собеседника, передал его живой голос, мысли о жизни и творчестве. Как Пиросмани от-

носился к своему творчеству? Как он работал? О Пиросмани много написано (зачастую с недомолвками, неточностями), но об этом аспекте исследователи не писали, за неимением документальных данных.

Каким был Пиросмани? Он был мыслящим художником. Иначе юный, но не по годам зрелый и проницательный Зданевич не ставил бы перед ним вопросов высоких понятий: «Нужна ли живопись? Для чего живопись? Нужно ли искусство, какова его цель? Что важнее в живописи – что или как? Что преследует портрет? Только ли внешнее сходство или некий символ? Есть ли различие между «маляром» и «художником»? Отношение к своей известности и своим картинам? Играет ли для Николая какую-нибудь роль поощрение и ценит ли он похвалы?».

Живопись являлась для Пиросмани единственной «дверью» к некоей прекрасной жиз-

ни. Это была смелая позиция, т.к. цель не становилась ближе. Он писал свои картины не в уединенной тиши мастерской, а в шумном духане. Иногда, не выдержав, художник кричал: «Разойдитесь, уйдите от меня!». Но чаще всего он продолжал сосредоточенно работать.

Пиросмани знал, что многие духанщики и посетители не понимают его живопись. Он говорил И. Зданевичу: «Эти делают вид, что что-то понимают, на самом деле – ничего». И еще: «Не слушайте их, они дураки – ничего не понимают».

Он осознавал себя художником, тем, кто способен работать по вдохновению, а не по канонам, и отделял себя от «буквописцев»: «Иконописец, живописец, маляр, художник – все разное, иконописцем не был».

О живописцах сказал: «Рисовать совсем не умеют». Самому художнику не претила скромность – редактору журналу «Театри да цховреба» («Театр и жизнь») Иосифу Имедашвили, в ответ на его похвалу, он сказал: «Ну какой я художник, да еще известный... ты меня конфузишь».

Навестившим Нико в его каморке под лестницей весной 1916 года художникам Мосе Тоидзе и Ладо Гудиашвили он признался: «Мосе Тоидзе! Мосе Тоидзе! Я давно хотел с вами познакомиться. Знаешь, что я хочу сказать? Пришло время, чтобы нас увидели и узнали. Хорошо бы на Головинском проспекте устроить развернутую картинную панораму, большую выставку, чтобы вся Грузия смотрела».

Так Пиросмани определил свое место рядом с уже известным художником Мосе Тоидзе. По информации Александры Тоидзе, дочери художника, придя в мастерскую отца и увидев рядом с его работами свои картины «Калооба» и «Фазтон у духана», Пиросмани остался очень доволен.

Он не был ни тщеславцем, ни честолюбцем, с искренней радостью воспринимал похвалу. Так, когда И. Зданевич сообщил Пиросмани, что о нем писали в газетах и хотят выставить его работы, он «сделал недоуменную физиономию, потом обра-

довался».

В дневниковой записи от 27 января Зданевич цитирует Пиросмани: «Когда выставка? Если бы вы дали мне комнату, полотна – я бы вам за месяц написал 10-15 полотен, лучше, чем те, которые есть, и лучше «Шереметьевского сада».

Запись от 31 января, после встречи Ильи и его брата Кирилла с Пиросмани: «Узнав, что Кирилл – художник, очень обеспокоился тем, хороши ли его работы. Брат сказал, что лицо слабо (имелся в виду портрет Ильи, который писал Пиросмани – И.Д.). Это его огорчило».

В записи от 31 января Зданевич приводит другую фразу Пиросмани: «Картины у Баядзе (духанщика – И.Д.) мне, признаться, не нравятся, я могу вам лучше написать». А ведь у Баядзе имелись одни из лучших картин художника: «Женщина с кувшином и дети», «Олень» и др. Признание Пиросмани Зданевичу свидетельствует о том, каким требовательным был художник к себе и как верил в свой творческий потенциал. Пиросмани оберегал свою систему ценностей, которая означала для него только одно: творчество и собственный художественный мир.

Будучи человеком щепетильным, Пиросмани так высказался о натюрморте, купленном Ильей у духанщика Бего Якиева за 1 рубль 50 копеек: «Это одна из лучших вещей, ничего, что маленькая, смело 100 рублей стоит».

Пиросмани уготовано было знать диалектику «низшего» и «высшего» в живописи. Он тонко чувствовал эти вечные единство и борьбу противоположностей. Как-то Илья Зданевич застал его за написанием названия улицы на домовом фонаре. Художник объяснил ему: «Как же, если мы не будем работать над низшим, как сумеем сделать высшее?».

Приглашенный по инициативе Дмитрия Шеварднадзе на заседание правления Грузинского художественного общества (созданного в 1916 г.) взволнованный Пиросмани сказал: «Меня знают даже во Франции» (знал он об этом, несомненно, со слов И. Здане-

вича). Так он словно бы давал понять, что приглашение его на заседание – нормально и закономерно. Он, видимо, хотел, чтобы его творчество знали и на родине, где оно воспринималось обыденно, как часть привычного городского пейзажа. Художник признался Михаилу Чиатурели и Ладю Гудиашвили: «Я думал, меня забыли». И как справедлив был окрашенный горечью упрек, брошенный виноторговцем Сандро Месхивили Давиду Какабадзе и Ладю Гудиашвили (они искали художника, чтобы передать ему деньги от Грузинского художественного общества): «Где вы были тогда? Если он был великий – почему на него не обратили внимания?».

Неизвестно, присутствовал ли он на том заседании, но на общем собрании Общества 25 мая он сидел молчаливый, неподвижный, скромный, с добрым взглядом больших черных глаз (так вспоминал его режиссер Михаил Чиатурели). Только после собрания он немного рассказал о своей жизни и предложил построить большой дом, поставить там большой стол с большим самоваром и говорить о живописи.

Пиросмани прекрасно осознавал свои творческие возможности. Когда однажды его спросили: «Сможешь хорошо нарисовать?», он отвечал: «Какой же я мастер, если не смогу нарисовать». О его уверенности в себе как в художнике свидетельствует и другая его фраза: «Я так хотел сделать, и мне это удалось».

Не должна удивлять кажущаяся противоречивость слов Пиросмани: и хулу, и похвалу он воспринимал спокойно. На вопрос «хочешь, во Францию повезем?» Пиросмани отвечал: «Из моей Грузии никуда не уеду». Скромный и гордый Пиросмани похвалился как-то перед Ладю Гудиашвили: «Вы знаете братьев Зданевичей? У них много моих картин». Он вытащил из-под матраса газету «Сахалхо пурцели» с его фотографией, показал ее Гудиашвили и заметил, что никто его не опекает, и никто не понимает его картин.

По словам Бего Якиева, Пи-

росмани любил одиночество. «Одиноким родился, одиноким должен умереть», – говорил он. В этих пророческих словах слышны нотки горечи, протеста против не понимающего его общества. Ах, если бы он знал о мнении на эту тему Леонардо да Винчи: «Живописец должен быть одиноким и созерцать то, что он видит, и разговаривать с собой, выбирая лучшее из того, что он видит».

У неповторимого гения Грузии нет ни реальной, ни символической могилы. Остались лишь легенды о нем и... картины – достояние национальной культуры. Пиросмани жил одиноким и умер одиноким, но обращенным в будущее.

Увы, при жизни он не был избалован богатством и почестями, но ушел непобежденным горечью своей жизни. Потрясенный скандальной карикатурой на него в газете «Сахалхо пурцели», Пиросмани так прокомментировал это жене художника Гиго Зазиашвили: «Не надо похвал, ничего не надо. В газете меня обругали. Столько мне наобещали, а я как раньше пахал и сеял, так и теперь. Не было надо мной господина и не хочу». Как замечал художник Георгий Якулов, Пиросмани, с детства интересовавшийся рисованием и живописью, «учился у своего инстинкта».

Как работал Пиросмани? В 1917 году он объяснял Л. Гудиашвили: «Вы, художники с Голловинского проспекта, ходите в костюмах и галстуках и боитесь перейти на этот берег Куры. Нет, так нельзя. Надо надеть старый передник, зажечь лампу, замесить ногами мел, взять синьку и выбелить стены или покрыть все черным цветом. Да, так нужно».

Пиросмани быстро понимал пожелание заказчика и так же быстро осуществлял замысел: «Дайте мне картон и немного красок, и я вам напишу лисицу или кого хотите за два-три часа».

Кстати, художник признавался Гудиашвили, что любит рисовать животных: «Это друзья моего сердца». Белая корова была для него символом «нежности, спокойствия и любви... Белый цвет – то цвет любви... Черный бык – он дерется, орет – это



По мотивам Пиросмани. Коллаж

война». Писал он оленя, лань, барашка, лису, иногда экзотических животных – льва, жирафа. В их глазах – тревога, печаль. Как не вспомнить строчки поэмы Георгия Леонидзе «Пиросмани»: «Как ты жирафым глазам передать умудрился тоску, что в глазах своих носишь сам?» О картине «Жираф» писатель Константин Паустовский писал: «Смотрел тревожно, вопросительно и явно страдаю... Какой-то странный зверь, напряженный, как струна».

В своей статье для газеты «Закавказская речь» (1913 г.) И. Зданевич писал, что Пиросмани «работает дешевыми красками на скверном холсте или простой клеенке (ибо хорошая – дорого)».

Да, в трудные годы Первой мировой войны, сказавшейся на социально-экономическом положении Грузии, Пиросмани приспособился писать и на картоне, грунтуя его черной краской из ко-

поти, разведенной олифой. Писал он и на других поверхностях – знал, что живопись на клеенке долго не держится. Он говорил И. Зданевичу, что существуют такие сорта клеенки, которые похожи на холст. Чаще всего художник использовал качественную и дорогую клеенку, изготовленную на парусиновой основе для технических нужд. Писал он по ее внешней стороне, уже грунтованной. Черную поверхность Пиросмани зачастую использовал как фон для своей живописи. Он пользовался самодельными красками, но и красками фабричного производства. В его палитре присутствовал кобальт, ультрамарин, английская красная, умбра, белла.

Как писал И. Зданевич в 1913 году, Пиросмани ставил себе и успешно решал удивительные цветовые задачи. Цвет в картинах Пиросмани – символ. Художник призна-

вался: «Когда я пишу погибших ортачалских красавиц, я их помещаю на черном фоне жизни, но у них есть любовь к жизни – это цветы, помещенные вокруг их фигур, и птички у плеча. Я их пишу в белых простынях, я жаляю, белым цветом я очищаю их от греха».

Колорит его картин – сдержанный, благородный. Цвета разделены локально и не переходят один в другой. Писать он начинал, намечая кистью с белилами основные контуры. Он не боялся пустого пространства клеенки, холста или картона: он знал, как и кем он хочет заселить это пространство, вырвав их из небытия и отправив в путешествие в вечность. Как уже было сказано, работал художник быстро: так, за день он создал «Портрет Александра Гаранова» и «Кутеж с шарманщиком Датико Земель».

Он редко писал с натуры, чаще – по памяти или воображению. В некоторых его картинах сохранялся принцип контаминации, т.е. свободного соединения различных сюжетов и образов в пределах одной композиции, сохраняя при этом масштабы изображений фигур и предметов.

После персональной выставки работ Пиросмани в Лувре в 1969 году, французский писатель Луи Арагон писал: «Это художник, который сам изобрел все в своей живописи, развивал ее примерно на протяжении сорока лет и вооружился своей собственной техникой».

Тициан Табидзе как-то заметил, что «жизнь Нико Пиросмани – сплошной творческий вихрь». Благодаря своей исключительной художественной интуиции, Пиросмани создал собственную изобразительную систему и стилистику. Он создал живописные приемы, выразительные образы не как художник по образованию, а как художник по призванию. Он предложил свое понимание пространства, трактовки форм и фактуры предметов. Из своих жизненных наблюдений и острых эмоциональных переживаний, Пиросмани создал новеллы, трактующие такие общие и вечные понятия как Горе (ограбление), Радость (застолье), Счастье (свадьба)...

■ Виктория СИРАДЗЕ



...КОГДА БЫЛА МОДА НА УМНЫХ И ЗНАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Грузия простилась с Викторией Сирадзе.

Ее имя гремело. Еще бы – легенда общественно-политической жизни страны, секретарь ЦК КП Грузии, заместитель председателя Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, председатель Грузинского республиканского Совета профсоюзов, депутат Верховного Совета СССР... Но – должности должностями, а уважали и ценили ее за исключительный профессионализм, порядочность и за то, что она действительно делала очень много добра. Очень. Примеров ее благодеяний – множество. Светлым была человеком.

В течение 30 лет Виктория Сирадзе категорически не общалась с журналистами. Прервала молчание недавно, издав книгу воспоминаний «Жизнь памяти».

Так печально совпало, что всего-то три-четыре недели назад мы обратились к ней за разрешением опубликовать фрагмент из книги. Разговор получился чрезвычайно приятный – Виктория Моисеевна удостоила «Русский клуб» самых лестных эпитетов и сказала, что будет очень рада публикации.

Кто мог предположить, что это последняя беседа... Через несколько дней ее не стало.

Долгая благодарная память!

Той страны, в которой прошла вся жизнь нашего поколения, больше нет. Мир изменился. Жизнь стала другой, и люди – другими. Ценности и приоритеты тоже преобразились.

Для нас это такая потеря, с которой невозможно смириться. Но прошлое останется таким, каким и было. Время идет, люди уходят, а дорогие имена тех, кто ушел навсегда, не будут забыты. Поручкой тому – наша благодарная память.

НАДЕЖДА ШАЛУТАШВИЛИ

Мы познакомились более полувека назад. Наша первая встреча произошла на заседании редакционной коллегии журнала «Сакартвелос кали» («Женщина Грузии»). И с того времени нас с калбатони Надей связывала добрая дружба.

Надя Шалуташвили – пример того, как можно сочетать женское очарование, изящество и скромность с напряженной работой, неустанными трудами и великой преданностью отечественной культуре и науке. Выпускница Тбилисского государственного университета, с 1946 года она занималась педагогической деятельностью. Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Грузии, кавалер Ордена Чести, автор целого ряда значительных трудов в области театроведения.

Читая книги, рецензии, статьи Надежды Шалуташвили, невозможно не оценить необыкновенную глубину ее знаний, эрудицию, интеллектуальность, своеобразие театрального видения, в котором сочетались национальная духовность, грузинский характер, вечная тайна искусства и дыхание современности.

Надя часто вспоминала времена, когда были живы выдающиеся представители старшего поколения – они были для нас ориентирами, образцами, по которым мы сверяли общественное и нравственное значение нашей работы. К их числу принадлежал и ее супруг Вахтанг Гокиели – участник Великой Отечественной войны, прекрасный врач, блестящий организатор в сфере здравоохранения.

Радостно осознавать, что На-



Вахтанг Гокиели, Отар Тактакишвили, Надежда Шалуташвили

дежду Шалуташвили, одаренного исследователя, заслуженного педагога, интеллигента высшей пробы, всегда сопровождали профессиональное признание, уважение коллег, любовь родных и близких. Это дорогого стоит.

НУНУ ЖАМУТАШВИЛИ И ПИМЕН КУРАШВИЛИ

Это была необыкновенная пара. Блестящие врачи-педиатры, профессионалы, врачи-терапевты по призванию. Когда другие врачи теряли надежду на исцеление пациента, Пимен и Нуна сотворяли чудо. Кто возьмется подсчитать, скольких малышей они вернули к жизни! Скольким родителям (и мне, в том числе) подарили счастье, излечив их детей!

Выпускник Тбилисского медицинского института, участник Великой Отечественной войны (военврач 3 ранга), кандидат медицинских наук, один из зачина-

телей клинической и научной педиатрии в Грузии, автор более 70 научных трудов, Пимен Курашвили в 1959 году основал НИИ педиатрии Грузии и до самой смерти в 1967 году (в возрасте всего 55 лет) был его директором.

Нуна всегда находилась рядом. Она была одним из основателей республиканского стационара недоношенных детей и его бессменным руководителем, автором многих открытий и новшеств в вопросах ухода, развития и, особенно, питания малышей, родившихся раньше срока. Мне довелось часто встречаться и активно взаимодействовать с Пименом и Нуной по сложнейшим вопросам здравоохранения. Наше сотрудничество переросло в крепкую дружбу.

К сожалению, сейчас вошло в моду подвергать прошлое переоценке и предавать забвению те времена, когда медицинское обслуживание было бесплатным,

когда в сложном государственном механизме здравоохранения, в основе которого лежала служба защиты матери и ребенка, четко работал каждый винтик, когда действовала прославленная научная школа медиков Грузии, когда успешно функционировала широкая сеть учреждений и консультаций разного типа и профиля. Лечебно-профилактическая и санитарно-эпидемиологическая службы, программы гигиенического и физического воспитания надежно защищали людей: показатели заболеваемости и смертности были низкими, а рождаемости – высокими. И продолжительность жизни неуклонно росла.

Пимен и Нуна исполнили свой профессиональный долг перед людьми, посвятив всю свою жизнь служению благородному делу. Сегодня, когда эквивалентом всего стали деньги, сложилась прямо противоположная ситуация – поистине трагическая для страны. Может быть, это и к лучшему, что великие педиатры ее не застали.

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА

Меня, как и всех, кто общался с этой неординарной женщиной, удивляли ее простота, артистизм, особый талант сохранять привлекательность и женственность в любой ситуации, даже будучи секретарем Центрального Комитета компартии СССР.

Впервые мы встретились на всесоюзном мероприятии, посвященном 50-летию основания Международного женского дня. Члены грузинской делегации (выдающиеся ученые, писатели, работники искусства, рабочие, колхозницы, учителя, врачи), молодые, очаровательные женщины, пришли на встречу в Кремль в черных костюмах. Все держались с чрезмерной сдержанностью, если не сказать – скованностью. Каково же было наше изумление, когда в зал легким шагом вошла обаятельная, стройная, молодая женщина в красивом коротком платье цвета морской волны. А не какое-то мужеподобное существо (такими изображали на портретах женщин – членов политбюров).

В тот день она была прелестна, лучезарна и благожелательна. Фунцева преподала нам хо-



Пимен Курашвили и Нуна Жамуташвили

роший урок – как мы, женщины, должны выглядеть.

Волею судьбы Екатерина Фурцева оказалась в высшем эшелоне правительства страны и на протяжении многих лет была одним из ведущих государственных деятелей.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что она оставила след и в грузинской культуре. Это был период фундаментальных изменений в развитии национальных культур, время, когда творческая свобода, смелость мышления, забота о культурном наследии упрочились как никогда в прошлом.

Екатерина Алексеевна подерживала творческую интелли-

творческих учебных заведений Грузии с вековой историей – консерватории, театрального института и академии художеств, нам не понадобилось долго убеждать Фурцеву в том, что подобное решение – неслыханный абсурд, плод большой фантазии тупых чиновников, изначально обреченный на провал.

Национальные события культурно-исторического значения всегда были в центре внимания Фурцевой. Такие, например, как 800-летие Шота Руставели. Она принимала огромное участие в подготовке юбилейных мероприятий.

Запомнилось открытие памятника Шота Руставели в Москве,

вернулся из Палестины и Иерусалима, где вместе с академиками Георгием Церетели и Акакием Шанидзе путешествовал по следам Руставели. Вечер завершился блистательным концертом мастеров грузинского искусства, поставленным художественным руководителем Большого театра Иосифом Туманишвили.

И, конечно, поистине народные празднества прошли в Грузии, во всех уголках республики. Среди многочисленных гостей была и Екатерина Фурцева. Она участвовала во всех юбилейных мероприятиях, прекрасно выступала на тбилисской сессии и многочисленных вечерах, где речь шла о «Витязе в тигровой шкуре».

А самым главным в том всенародном празднике была непобедимая сила культуры, ее способность объединять людей, которые верны идеям равенства и братства, единства и дружбы, доброты и справедливости, благородства и национальной гордости, которые великий поэт воспевал в XII веке, так же, как воспевал справедливость и победу добра над злом.

За юбилеем последовали тысячи публикаций в СССР и за рубежом, новые научные труды о культуре Грузии и ее исторических традициях, а еще – новые переводы поэмы Шота Руставели на 37 языков мира. (До юбилея существовал единственный прозаический перевод поэмы на английский, сделанный Марджори Уордроп, и, конечно же, бессмертные переводы на русский язык Константина Бальмонта, Николая Заболоцкого и Шалвы Нуцубидзе). Были изданы антологии грузинской поэзии и прозы на иностранных языках, возведены сотни новых культурных мостов, соединяющих творческую интеллигенцию разных стран и континентов.

Все это было сделано в те времена, когда была мода на умных и знающих людей. Таких, как Екатерина Фурцева.

Такие люди не должны быть забыты.

Память упорно продолжает вечную борьбу со временем.

*Перевод Елены Галашевской,
Нины Шадури*



Отар Тактакишвили, Екатерина Фурцева и Виктория Сирадзе

генцию, талантливые начинания, уважала национальные чувства народов. Тратила много времени и энергии, чтобы лучшие исполнители, музыканты, композиторы, художники, ансамбли, театральные коллективы (в том числе, и грузинские) участвовали в международных конкурсах, фестивалях, ездили на стажировки и гастроли.

Фурцева обладала поразительной интуицией. Ее не пугало явное противостояние молодых талантливых грузинских деятелей культуры господствовавшей эстетике и творческой стратегии. Для примера назову театр имени Руставели и его тогдашних молодых режиссеров – Роберта Стуруа и Темура Чхеидзе, которые успешно осуществляли свои художественные поиски.

Когда Совет министров СССР принял постановление об объединении в один вуз высших

в сквере на Большой Грузинской в октябре 1966 года (скульптор – Мераб Бердзенишвили, архитектор – Иосиф Ловейко). На праздничной церемонии присутствовали члены политбюро во главе с Л. Брежневым, москвичи, гости Москвы.

Нужно отметить, что состоялась неслыханная по тем временам пресс-конференция деятелей литературы и искусств Грузии, связанная с юбилеем Руставели. В пресс-конференции участвовало более 200 советских и зарубежных журналистов. Интерес к юбилею всколыхнул всю страну и вызвал небывалый резонанс зарубежной прессы и зарубежных посольств в СССР.

Необыкновенным был и сам юбилейный вечер, который прошел в Большом театре. С интереснейшим докладом выступил поэт-академик Ираклий Абашидзе, который тогда только-только



ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!

О ханжеской, обывательской зависимости от чужого мнения, о боязни общественного осуждения.

Источник: «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Этими словами Фамусова заканчивается комедия.

А был ли мальчик?

О сомнениях в существовании самого предмета, о котором ведется разговор.

Источник: «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, часть 1, глава 1. По сюжету, в детстве Клим Самгин пошел с друзьями Борисом и Варей на речку кататься на коньках. Лед подломился, Борис и Варя стали тонуть. Клим пытался их спасти, но, испугавшись, не сумел. Подбежали взрослые, и кто-то усомнился, что в проруби есть ребенок. «И особенно поразил Клима чей-то серьезный, недоверчивый вопрос: Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?». Со временем этот вопрос герой задает себе все чаще и начинает склоняться к тому, что мальчика не было. Таким образом он пытается избавиться от мучительного чувства вины.

А Васька слушает, да ест

О человеке, который спокойно продолжает свое предосудительное дело, не обращая внимание на упреки, просьбы и советы.

Источник: басня «Кот и По-

вар» И.А. Крылова, заканчивающаяся моралью:

*А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить
по-пустому,
Где нужно власть
употребить.*

А воз и ныне там!

О неэффективной, неудовлетворительной работе, о действиях, не приносящих результат, о ситуации, которая не меняется к лучшему.

Источник: басня «Лебедь, Щука и Рак» И.А. Крылова. Мораль басни:

*Когда в товарищах
согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело,
только мука.*

А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь

О коллективе, члены которого взяли не за свое дело, и потому его работа не ладится.

Источник: басня «Квартет» И.А. Крылова. Современники полагали, что эта басня была сатирическим ответом на реформу Государственного совета, когда император Александр I разделил его на четыре департамента, а управляющие департаментов никак не могли договориться о сотрудничестве. Лицейский товарищ А.С. Пушкина М.А. Корф писал: «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить и даже несколькими последовавшим пересадкам, мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартет».

А гений и злодейство – две вещи несовместные

О том, что высокий дух истинного творца несовместим с низкими помыслами и неблагоприятными поступками.

Источник: слова Моцарта из пьесы А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», цикл «Маленькие трагедии».

Агрессивно-послушное большинство

О большинстве в собрании или обществе, которое, формально используя демократические процедуры, фактически принимает решения, удобные власти.

Источник: из выступления политического деятеля эпохи «перестройки», ректора Историко-архивного института Юрия Афанасьева на Первом съезде народных депутатов СССР (27 мая 1989 г.): «Мы сформировали сталинско-брежневский Верховный Совет... И я обращаюсь... к этому, я бы сказал, агрессивно-послушному большинству, которое завалило вчера все те решения съезда, которые от нас ждет народ».

Ай да Пушкин! ай да сукин сын!

Шутливое выражение ликования от блестяще выполненной работы.

Источник: письмо А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому (около 7 ноября 1825 г.): «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин! ай да сукин сын!»



თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

საზონი
СЕЗОН 178

მარტი MАРТ 2024



ნიკოლაი გოგოლი
შინელი
ფერია
დამდგმელი რეჟისორი
აპთანდილ ვარსიმაშვილი

16 მარტი
март

Николай Гоголь
ШИНЕЛЬ
Феерия
Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

2 შაბ. Сб.	ი. ბუნინი И. Бунин 18.00	სიყვარულის ხეივანები საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории в двух действиях (Большой зал)	
8 პარ. Пт.	ს. მროვეცი С. Мрожек 19.00	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
9 შაბ. Сб.	ი. ტურგენევი И. Тургенев 18.00	მღვმერი მელოდრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	НАХЛЕБНИК Мелодрама в одном действии (Малый зал)	
15 პარ. Пт.	ა. პოტიომკინი А. Потемкин 19.00	ბუკმეკერ-ექსპრესი კომედია ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	БУКМЕКЕР-ЭКСПРЕСС Комедия в одном действии (Большой зал)	
16 შაბ. Сб.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	შინელი ფერია ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ШИНЕЛЬ Феерия в одном действии (Большой зал)	
17 კვ. Вск.	პ. ტრევერსი П. Трэверс 12.00	მერი პოპინსი მიუზიკლი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	МЭРИ ПОПИНС Мюзикл в одном действии (Большой зал)	
24 კვ. Вск.	ა. გრინი А. Грин 12.00	ალის ფარი იაღმები მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка в одном действии (Малый зал)	
24 კვ. Вск.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист 18.00	ჰელვერის ღამე დრამა ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма в одном действии (Большой зал)	

მერი პოპინსი / МЭРИ ПОПИНС



www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge



ცნობები ტელეფონზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი აპთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили



